

Файл: 419_hl_1

Общая продолжительность: 180:36

00:06

Андрей Борисович Кобяков, *доцент МГУ, заместитель главного редактора журнала «Однако»:*

– Коллеги. От лица оргкомитета рад приветствовать вас на Форуме, в частности, на нашей Пленарной конференции. Напомню, тема нашей Конференции – «Промышленная политика в условиях ВТО: трудности только начинаются».

Мы вместе с Евгением Анатольевичем постараемся смодерировать сегодняшнее мероприятие. От лица ученого сообщества, от нашего промышленного сообщества надеюсь, что это как раз хорошее сочетание науки и практики должно нас сегодня привести еще к каким-то желательным практическим решениям по итогам сегодняшней Конференции. Поскольку сам Московский экономический форум задумывался не только как чисто научное, а именно как научно-практическое действие.

Наверное, этот формат, учитывая еще тот интерес, который будет предъявлен... Народу, как видите, очень много. Желающих – больше, чем мест в основном зале. Думаю, что он положит начало вот этим, наиболее, как мне кажется, продуктивным форматам, поскольку мы ученые, и должны вырабатывать и новый взгляд на экономику, экономическую политику, и предметные решения в области этой самой экономической политики.

Надеюсь, что прислушиваться... Сам факт присутствия на нашем Форуме представителей Правительства уже отраден. Евгений Анатольевич.

Евгений Анатольевич Корчевой, *директор Российской ассоциации производителей сельхозтехники «Росагромаш»:*

– Андрей Борисович, спасибо, что передали слово. Я бы хотел сначала пару слов сказать, что мне очень приятно вести эту секцию вместе с Андреем Борисовичем Кобяковым, доцентом МГУ, заместителем главного редактора журнала «Однако». С Андреем Борисовичем мы познакомились на подготовке и обсуждении темы вступления России в ВТО. Нашли очень много общих точек зрения на эту проблему.

Мне кажется, действительно Андрей Борисович сразу расставил точки над *i*, что даже такой нитью Форума проходит объединение разных людей из разных сфер науки, сельское хозяйство, промышленность. Но есть общие темы для разговора, есть общие позиции по многим вопросам.

Сегодняшнюю тему мы изначально хотели посвятить исключительно промышленности. О том, как нужно развивать промышленность. Конечно, очень много сейчас говорится о новой индустриализации. Но в определенный момент поняли, что нельзя обсуждать проблему развития промышленности без тех условий и обязательств, которые взяла на себя Российская Федерация при вступлении во Всемирную торговую организацию.

Поэтому сегодня нам хочется сделать такой содержательный разговор, с тем, чтобы оценить, какие возможности, как будет развиваться, как нужно развивать промышленность в последующие пять, может быть, десять лет. Как это связано с нашим членством во Всемирной торговой организации. Послушаем и наших российских экспертов, и экспертов международных. У нас на Форуме в первой половине вы видели очень большое международное присутствие.

Не буду делать длинное вступление. Давайте перейдем к интересным презентациям. Мы предлагаем так построить обсуждение нашей секции. Сначала у нас есть подготовленные доклады с презентациями. После каждой презентации у нас есть небольшое время на вопросы и ответы. Исключительно вопросы – не комментарии. После окончания подготовленных докладов у нас есть десять запланированных выступлений. У нас есть записавшиеся, кто хочет выступить. После этого, я надеюсь, у нас останется еще время для дискуссий.

Принимается такой вариант?

04:09

Андрей Кобяков: Что касается меня – я поддерживаю. Давайте спросим присутствующих. Поскольку здесь нет диктатора... Модератор – это не диктатор. Мне бы хотелось, чтобы решения наши все-таки принимались коллегиально. Тем более, что нам предстоит к концу еще и утвердить решение нашей Пленарной конференции. Надеюсь, вам проекты уже раздали, и вы можете с ними подробно ознакомиться. Предложения, которые сверх этого – тоже все приветствуются.

А то, что мы познакомились с вами на теме ВТО – совершенно не случайно. Поскольку я еще кандидатскую диссертацию когда-то писал по государственному протекционизму. Поэтому для меня эта тема абсолютно... Ее позиции выстраданы уже десятилетиями.

Переходим тогда к докладам. Первый выступающий – Владимир Николаевич Боглаев, директор Череповецкого литейно-механического завода. Могу сказать, что не зря Владимир Николаевич открывает наш разговор, нашу секцию. Чуть больше года назад он подготовил очень интересную статью, разместил, о модернизации (*дефект записи, 05:12*), разместил ее (*дефект записи*). Статья вызвала очень большой (*дефект записи, 05:14*) по всей стране, много обсуждений было.

Мы пригласили Владимира Николаевича выступить с первым выступлением.

05:25

Владимир Николаевич Боглаев, генеральный директор ОАО «ЧЛМЗ»:

– Я – директор, не ученый, не журналист. Поэтому говорить, наверное, будем много коряво. Просто директор. Давно директор, много чего директор был. Работал в Белоруссии, в Россию (**неразборчиво, 06:06**) вошел. В Россию (*дефект записи, 06:12*) северный, (*дефект записи*) не только Иркутск, Заполярье. Конечно, как все тут работали, и я поработал. Сейчас работаю в Череповце, директором Череповецкого литейно-механического завода.

Чем характерны были все проекты, в которых я работал. Так как я приехал из Беларуси (я тоже **неразборчиво, 06:32**), то, в общем-то, для России был гастарбайтером. Поэтому ничего хорошего в управлении не давали, только то, что было уже почти уничтожено. Все отдавал большому делу.

Презентации. Я не **жду того(?)**, что мы с вами на Форуме поговорим. Это не первый форум, в котором я участвую. Вот честно говорю: не жду. Сегодня (*дефект записи, 06:56*), которая, так или иначе, в Правительстве занимается (*дефект записи, 06:59*) что происходит, абсолютно по-разному увидят то, что происходит. Как можно двигаться куда-то, если мы не знаем, а где мы (*дефект записи, 07:05*) я езжу с докладами, хотя мое дело – сидеть на заводе и руководить. На самом деле, (*дефект записи, 07:13*) или стрелка магнитная. Как можно определиться, что идем на север или на юг, если у нас до сих пор стрелка магнитная не остановилась. Если мы не знаем, где север, а где юг. Куда идти-то?

Нужно сделать два шага. Вот мы спорим: вправо или влево. Сделали два шага влево. Мы правильно пошли или нет? Сверьте с компасом. А он как прыгал, так и прыгает. Пока вы не узнаете, где вы находитесь, определить, куда идти, сложно. Поэтому я (*дефект записи, 07:39*) каким-то образом должен помочь (*дефект записи, 07:44*). Что если кому-то в Москве действительно интересно управление, а что ж там происходит-то в провинции – может, кто-то услышит, что творится.

07:54

Начну все-таки с тех моментов, которые... Кто бы ни сидел в Правительстве – они не могут спорить. Вот товарная структура экспорта России в 2011-м году. Она очень показательна для страны. 93%, даже больше – машиностроение. 4% (*дефект записи, 08:13*) оборонка. (*Дефект записи*) и газ превышают 72%. Понятно, какая у нас сегодня экономика. Плохая или хорошая – спорить не будем. Вот цифры. 93% с лишним – это (*дефект записи, 08:26*). Значит, мы этим и занимаемся.

Я для себя с удивлением узнал, что мы сегодня посевные площади имеем не только ниже, чем в 1995-м или 1940-м году. Мы сегодня имеем посевные площади меньше, чем в 1913-м году. Вот это меня даже как-то удивило. Как сказали люди с (*дефект записи, 08:51*), я хотел бы уточнить для себя, планируется (*дефект записи, 08:54*) года. Хотя для себя отметил, что по цифрам, на самом деле, все очень плохо.

Обратил внимание на следующее. Вот парк зерноуборочных комбайнов, также на конец 2011-го года. То, что он все ниже и ниже – можно по-разному относиться. Можно думать, что у нас просто выросла производительность техники, (*дефект записи, 09:20*). А вот у нас **рост(?)** производства лопат. В восемь раз – лопаты, косы, грабли.

Я слушал Мельниченко сегодня, как он выступал на «сельском хозяйстве». Я понимал, почему он еще выживает. Он, видно, увеличил (**неразборчиво, 09:34**) грабель и лопат, поэтому еще как-то выдерживает. Комбайны он не покупает – это было видно по (**неразборчиво, 09:40**).

Что меня еще удивило (по размышлениям, которые есть). Внимание. С 1990-го до **1999**-го года численность работающих в промышленности (то есть тех, кто создает добавленную стоимость) распределилась на 35%.

10:00

Притом с 2008-го года (*дефект записи, 10:04*) производства была позитивна, то с 2008-го пошла вниз. Возникает вопрос: а как же мы при такой ситуации вообще умудрялись кормить 35 миллионов новых иждивенцев, которые перестали работать и «сели на шею» государству (*дефект записи, 10:25*) интересно (*дефект записи*).

На самом (*дефект записи*), начиная с 2000-го года, у нас серьезнейшим образом вырос ВВП за счет (*неразборчиво, 10:36*) сырьевых ресурсов (в том числе, нефти, газа). Мы получили сверху (если смотреть 1990-е годы *неразборчиво, 10:45*) за десять лет 2 триллиона долларов. Это и дало возможность, на самом деле, профинансировать 5% людей, которые остались без работы и «сели на шею» тем, кто еще работает.

К чему я вас хочу подвести. На мой взгляд, существует... (*Дефект записи, 11:09*). Я вывел некую пирамиду, обозначил как равновесную пирамиду. Предположим, (*дефект записи, 11:26*) власти в стране. На самом «верху» есть знающие люди, знания, которыми они обладают, объем (*дефект записи, 11:34*) технологий по производствам (*дефект записи*) работают на добавленную стоимость, идут на рынок, покупают услуги, обеспечивая работой парикмахеров, всех остальных.

Еще есть группа населения, которую я отнес к дотационному потреблению (*неразборчиво, 11:53*) содержания.

Важно представление вот такой пирамиды. Сегодня неизбежны процессы глобализации. Как я вижу, сегодня основные вопросы глобализации – это война национальных элит за право распределять мировые ресурсы, создавать и распределять.

(*Демонстрация слайда*).

Если посмотреть следующий слайд, то, предположим, вы находитесь в стране или (*дефект записи, 12:29*), а, на самом деле, производство, конечно, важно. Но прежде, для того чтобы (*дефект записи, 12:36*) службистами, работниками, по знаниям. Знания дают (*дефект записи, 12:43*), что дает возможность, так или иначе, увеличить свое влияние вокруг себя.

Предположим, у вас есть определенные знания, и вы еще пока управляете всей своей пирамидой. Но по каким-то причинам вы начали угнетать своих производителей. Вы начали ресурсы, которые были *туда(?)* раньше,

перекачивать, скажем, дотационное потребление. Назовем это грубым словом (*дефект записи, 13:13*).

Что получится. Окажется, что, во-первых, уже (*дефект записи*) люди на производстве, директора, (*дефект записи, 13:25*), не хотят (*дефект записи*) получают меньше, чем те, кто находится в «офисном планктоне». Туда «качаются» ресурсы – они бегом туда. «Египетская пирамида», тоже такое возможно.

Более того. Если они, в принципе, получают мало, их услуги производственников никому не нужны – они не делают заказ на знания. Они не заказывают развитие. Им это не надо. Им важно выжить. (*Дефект записи, 13:48*) вы начинаете угнетать середину пирамиды, то у вас (*дефект записи*) право на управление нижней частью пирамиды. Главный вопрос (*дефект записи, 14:04*) главный вопрос о ВТО. В каких странах будут открываться производства. Национальные интересы к таким странам будут определять геополитическую картину миру.

Я бы в середину расположил, скажем так, «пирамиду атаки».

(*Демонстрация слайда*).

(*Дефект записи, 14:23*) возможности даже профинансировать (*дефект записи*) думаю: 2 триллиона долларов – это нам подарок, или это была атака на (*дефект записи*). Ведь если загнать 2 триллиона долларов вниз пирамиды и обеспечить, безусловно, лучшее проживание внизу пирамиды (в частности, в «офисном планктоне», не на производстве) (*дефект записи, 14:41*) разрушать пирамиду соперники.

Если вы при этом предлагаете более-менее льготные условия ученым из тех, на кого напали – они тоже перекачивают. В этой ситуации вы можете, перевернув пирамиду соперников (*дефект записи, 15:02*) на разные страны. Мы просто видим, наверное (*дефект записи, 15:07*) мы явно сжимаем свою середину.

15:15

Вот вопрос. У нас четыре (*дефект записи*) в нашем сегодняшнем заседании. Один из первых – почему был открыт рынок без подготовки механизмов защиты национальных интересов. Учитывая все это, ответ лежит на поверхности. Мы проиграли бой, и главная причина – это то, что (*дефект*

записи, 15:30) мы проиграли бой. (*Дефект записи, 15:34*). Цены не падают (*дефект записи*) разоряются – это тоже... Это, на самом деле, условия непочетной сдачи. Это тоже все объясняет.

Вопрос, ВТО: что выгоднее – защищаться или выигрывать. На мой взгляд, если сравнивать глобальную конкуренцию с войной (а я считаю, так оно и есть), то (*дефект записи, 15:58*) на поле боя, то (*дефект записи*) я сдаюсь и проиграл... Тоже, конечно, вариант. Но не в нашем случае. Или, на самом деле, надо сдаваться, и «лапки кверху», или запасные рубежи, там как-то закрепляться и отбиваться.

16:18

Появилась некая надежда. Когда (*дефект записи*) появилась программа «**четыре и**»(?), а потом и программа на модернизацию... Я действительно выпустил статью, это было не год назад (*дефект записи, 16:36*) нужна (*дефект записи*). Я не журналист. Просто действительно настолько наболело, по стране наездившись, насмотревшись – ну, выдал (*дефект записи, 16:44*) одна из них. Много где была напечатана, в том числе ее перепечатывали в зарубежной прессе, что интересно.

Я разместил ее и на сайте топ-менеджеров. Интересный сайт. Там обитает более 300 тысяч топ-менеджеров и аналитиков. По этой статье – она до сих остается лидером просмотров и ответов. Прочитало 150 (*дефект записи, 17:15*) развернутых комментариев. Цель не ставилась, но самоорганизовалась достаточно большая группа менеджеров, которые себя назвали «Движение за модернизацию». Инициатива «снизу», если можно это назвать «инициативой снизу», когда объединялись целые группы (*дефект записи, 17:35*), даже сложно так сказать. Казалось бы, вот она, инициатива, вот они, специалисты – бери, пользуйся.

Но, на мой взгляд (*дефект записи, 17:46*) **Форум** – в стране полностью отсутствует обратная связь. Такой мощный сигнал вообще никак не был воспринят. Вообще никак не было воспринят. Говорили, рекомендовали, писали (*дефект записи, 17:59*) участников группы за модернизацию – это вообще были не граждане России. Это были Германия, Израиль, Америка. Когда, кстати, выходили на виртуальное общение (**неразборчиво, 18:11**) такое, что можно было общаться и тем, кто в Европе, и тем, кто в Америке. Кто будет (**неразборчиво, 18:16**) в России, наверное, знаете. Интересный момент. Ведь не тысяча, не две – 300 тысяч менеджеров на сайте.

Хотя, по большому счету, это была «буря в стакане». Она никому не была интересна (*неразборчиво, 18:34*). Там где-то строились свои «Сколково», решались свои задачи. Тем не менее, эта группа менеджеров, понимая, что происходит, выработала некую коллективную цель, которой может служить тому, кто, может быть, когда-нибудь в России решит заниматься модернизацией, развитием и, вообще говоря, (*дефект записи, 18:56*) преимущество глобальной конкуренции. Она длинная, я ее не (*дефект записи*), поэтому прочту. (*Дефект записи*).

19:00

«В долгосрочной перспективе высокого уровня жизни населяющих Россию народов необходимо защитить доставшиеся нам по праву рождения огромные природные богатства страны и обеспечить право создавать (*дефект записи, 19:10*) распоряжаться добавленной (*дефект записи*). Для чего в текущем моменте в приоритетном порядке использовать часть этих богатств для создания промышленных и передовых (*дефект записи*) вкладов, а также для создания безусловного обеспечения мощного военного потенциала страны, продукции отечественных разработок и производств. Это позволит нам сохранить свое место среди ведущих (*дефект записи, 19:27*) привлекательности России как центра (*дефект записи*)».

Текст большой. Но, поверьте, я над каждым словом... Ни одна дискуссия... Каждое слово рождалось в серьезных дискуссиях между тем, так ли мы вставляем слово или по-другому.

Вот она, цель. Ее можно обсуждать, можно не обсуждать. Но ее «родили» специалисты, которые учились на управлении и имеют практический опыт управления проектами.

Что сделали мы. Уже не верилось в то, что вообще можно ждать «милостей от природы». Мы решили, что будем самостоятельно, вне зависимости от того, помогает нам Правительство, не помогает, пытаться строить свою маленькую пирамиду (*неразборчиво, 20:17*) энтузиастов. Мы (*дефект записи*) организовали экспериментальный (*дефект записи*) полигон и сегодня пытаемся (*дефект записи, 20:26*) студентов среднего и высшего образования.

20:32

Почему мы считаем, что наша площадка достаточно интересна. Вот характеристика показателей завода (*дефект записи, 20:38*). 2001-й год – мы в

среднем производили в месяц 7 миллионов рублей, 2012-й год – 82 миллиона рублей в месяц. С точки зрения (*дефект записи, 20:47*) производительность труда на одного рабочего. Когда мне говорят, что мы отстаем по производительности труда от зарубежных стран, я говорю: «В таком графике еще один год – и мы обгоним любого немца». (*Дефект записи, 21:00*) плохая или хорошая промышленность в стране.

В рамках эксперимента мы (*дефект записи, 21:03*) продукции, загрузке, защите. Самое главное: мы пытаемся этому учить детей, среднетехническое и высшее образование. Мы даже по национальной идее на заводе сделали эксперимент. У нашего (*дефект записи, 21:20*) собрано... Я сам с Белоруссии, мой первый зам – с Украины, финансовый директор – с Казани. Вся Россия (*дефект записи*).

21:30

Времени не будет, я тут этапы проекта (*дефект записи, 21:33*) экспериментальный полигон. Два предприятия (*неразборчиво, 21:35*), 20 специальностей, 300 студентов. Это только в один год мы (*дефект записи*).

Что такое 300 студентов. У нас на заводе работает всего 450 человек. Представляете, что такое пропустить через себя такую группу людей. Но мы учим, реально учим, не просто специальности. Наша задача – научить их вообще быть конкурентами по жизни. Надеюсь на то, что конкурентные по жизни специалисты смогут создать конкурентное предприятие, которое потом будет конкурентно (*неразборчиво, 22:04*) для страны.

Задача (*дефект записи, 22:05*) необходимы знания. Без знаний ничего не будет. Когда нам говорят (*дефект записи*) специалистов в области потребления, грамотных – я понимаю, что нас ведут к переворачиванию пирамиды. Это как раз делать ни в коем случае нельзя. Тут маленький такой лозунг, который рождается. Если государство не хочет кормить своих ученых инженеров (*неразборчиво, 22:28*) страны, среди технологически развитых стран, то ему придется кормить чужих специалистов и оплачивать мероприятия технического прогресса в странах (*неразборчиво, 22:36*).

Мы на экспериментах не закончили. (*Дефект записи, 22:45*) продукты, новые технологии, учатся люди, поднимается производительность труда, добиваемся национального единства на отдельно взятой территории. Давайте брать этот эксперимент, на нем экспериментировать дальше. Отсутствует обратная связь, нас никто не слышит.

Поэтому редкие энтузиасты этого многотысячного сообщества, эксклюзив-менеджеры собираются сегодня готовить специалистов по борьбе с кризисом ВТО, и опять приезжают к нам на площадку. Уже с понедельника у нас будет группа людей, которые приедут выработать мероприятия о том, как будем выживать в ситуации, в которую нас поставили. Никто из них (и я в том числе) не надеются на то, что с Москвы придет какая-то помощь.

23:32

Андрей Кобяков: Владимир Николаевич. Время закончилось. Думаю, 10 секунд для выводов.

Владимир Боглаев: Выводы следующие. Мы, конечно, должны давать рекомендации Правительству о том, что и как надо сделать. Но вывод первый. Похоже, надо самим объединяться и думать о своем спасении самостоятельно. Если не получается сделать «пирамиду власти» в стране, необходимо делать «пирамиду власти» работающую в городе, деревне, области или хотя бы отдельных предприятиях. Иначе (*дефект записи, 23:57*). Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо, Владимир Николаевич. Можно я короткий вопрос задам. Можно вернуть слайд график выработки производства и на одного рабочего? Вот этот график – из него такое ощущение возникает, что в деньгах оборот компании растет, а фактически производство продукта уменьшалось, потому что все растет (*неразборчиво, 24:17*).

Владимир Боглаев: Очень хороший вопрос. Смотрите. Действительно, в тоннаже мы стали делать меньше. Это вопрос, почему очень важно экономику знания. Килограмм песка (*дефект записи, 24:30*) и там, и там кремний, но цена для него разная. Если в 2001-м году завод работал в продукции, извиняюсь, канализационные люки, то есть (*дефект записи, 24:37*), извините, потребление продукции – это 200 с лишним предприятий по всей России. Авиационная промышленность, нефтехимия, химия, машиностроение, горная тематика.

Еще 35% объема мы поставляем за рубеж. Это не чугунные люки. Это принципиально другой вид продукции. С таким видом продукции у нас тоже, по сути, делает один завод одного вид изделия. У нас ежегодно 20 проектов **новых(?)** запускается, 4 – 5 лет – у нас полная смена номенклатуры изделий происходит на заводе. Килограмм изделий подорожал не потому, что он стал стоить дороже – потому что он в принципиально другой технологической

сложности. Основа в этом (*дефект записи, 25:13*) совершенство. Но нам не удастся идти вперед по производительности, добывая только песок. Микросхемы делать надо.

25:23

Сергей Нокин(?): Владимир Николаевич. Вы очень подробно рассказали. Скажите, пожалуйста. Вы вообще от ВТО как – далеко? Когда там были или будете, что вам для этого надо? Сергей **Нокин(?)**, город Вологда.

Владимир Боглаев: (*Дефект записи, 25:38*) в ВТО вступала (*дефект записи*) затормозить это дело, вступление. Но бой проигран. Я понимаю ситуацию. **Площадка(?)** у себя на заводе, не ожидая никакой помощи от Москвы, готовимся к сражениям ВТО. Я понимаю, что конкурировать будет тяжело. Я понимаю, что поиск виноватых ни к чему не приведет. У меня (*неразборчиво, 26:02*) 500 человек, мы должны с ними по-любому выжить, с ВТО, без ВТО... У нас в промзоне (*неразборчиво, 26:11*) не дышит. А когда я пришел, мы были худшие. Мы ни от кого помощи не ждали. Мы просто выжили.

Поэтому я считаю, что если есть (*дефект записи, 26:21*).

Сергей Нокин(?): (*Дефект записи, 26:22*) далеко вы от ВТО, от условий работы в ВТО. Лично вы и ваш завод.

Владимир Боглаев: Основные наши потребители – так или иначе, те компании, которые пострадают сегодня от вступления в ВТО. Поэтому надо ожидать, что та номенклатура, которая есть, например, на заводе – она (*дефект записи, 26:43*) пользоваться все меньшим, меньшим спросом. Не потому, что мы неконкурентны. Потому что неконкурентны будут те компании, которые сегодня у нас покупают (*дефект записи, 26:49*).

По этому поводу переживаю? Да. Но считаю, что это не самая большая проблема. Почему. Потому что продукция, которая была на заводе месяц назад – она тоже сегодня конкурентна, мы просто ее не выпускаем. Мы нашли другой вид продукции, мы его выпускаем. Поэтому просто будем в рамках ВТО искать другие варианты.

Хотя глупость вступления для меня настолько очевидна. Но как это повлияет?

Сергей Нокин(?): Когда они на вас упадут, эти условия? Дату назовите – завтра, через год.

Владимир Боглаев: Они уже упали. (*Дефект записи, 27:20*) мы видим, что потребности сельского хозяйства, химиков, металлургов...

Сергей Нокин(?): Да для вас, для вашего завода. Что вы про всю страну-то. Вы про себя и про ваш завод, пожалуйста.

Андрей Кобяков: Давайте к другим вопросам.

Владимир Боглаев: Я расстрою вас, наверное...

Андрей Кобяков: Вопрос понятен. У нас просто действительно много выступлений. Давайте, в том числе, на этот вопрос Владимир Николаевич, я думаю, (*неразборчиво, 27:44*).

Владимир Боглаев: Один момент. Пока на нас «падает» ВТО – очень больно, очень тяжело, очень неприятно. Но мы растем с темпами 10% в год.

27:53

Андрей Кобяков: Еще вопросы какие-нибудь есть короткие? Давайте двигаться дальше. Мы ведь не исчерпываем нашу тему, что это лишь проблема ВТО. Думаю, столько незадействованных рычагов самой промышленной политики у нас существует. Вне контекста это тоже имело бы смысл обсуждать. Может быть, сейчас просто сама ситуация станет острее.

По большому счету, промышленная политика у нас находится, в общем и целом, в зачаточном состоянии. Поэтому очень многие эксперименты (*дефект записи, 28:31*). Другое дело, что их нельзя будет использовать, поскольку членство в ВТО будет накладывать на некоторые позиции очень серьезные ограничения.

Но в то же время есть очень много, что (*дефект записи, 28:42*) или, по крайней мере, не запрещенного в рамках ВТО. В этом смысле интересный акцент или аспект этой проблемы будет готов нам предоставить наш следующий докладчик.

Хочу представить доктора Акселя Лебана – наш коллега и друг из Германии. В тяжелые для нашей страны годы он очень много сделал для развития России. Парадоксально, но факт. В свое время господин Лебан был

директором “Deutsche Bank” по Советскому Союзу. Именно он «пробил» знаменитую сделку «газ – трубы», когда фактически Советский Союз находился в состоянии технологической блокады. По понятным причинам – вступление советских войск в Афганистан и так далее. Это вызвало очень много серьезных проблем. Перед этим еще тоже долго «растопливались» отношения.

Вот этот конкретно человек, который непосредственно сам это «растопил», несмотря на вроде бы очень неблагоприятные внешние условия. Что говорит нам, как многое зависит от человеческой смекалки, воли, решительности, дипломатии и так далее. Человеческий фактор здесь может сыграть особую роль.

Доктор Лебан, вам слово. Выскажите ваш взгляд на обсуждаемые сегодня проблемы.

30:24

Аксель Лебан, *эксперт в области российско-германских отношений*:

– *(Русский как иностранный)*. Спасибо, Андрей Борисович. Я хотел бы сказать *(дефект записи, 30:32)* у меня сегодня особый **(неразборчиво, 30:34)** здесь, принимать участие в мероприятии Форума **(неразборчиво, 30:39)**, потому что я в 1970-е годы прошлого века три раза работал в РГУ и один раз в Академии наук. Потом много-много раз побывал здесь, и работал здесь. Я хочу начать доклад именно с **(неразборчиво, 30:59)** *(дефект записи, 31:01)* опытом, потому что нам кажется, что этот опыт сейчас в этой ситуации может быть очень полезен.

Когда я работал ученым здесь, у меня была тема диссертации «Юридическое урегулирование внешнеэкономических отношений Советского Союза». У меня тогда часто критика в адрес Германии, потому что им **показалось(?)**, что то совсем не юридическая тема. Что раз этой сферы не касаются, между нами никогда не будут **хорошие(?)** интенсивные отношения.

В течение 1970-х *(дефект записи, 31:50)* больше, ближе к 1980-м годам, чем хуже это было – это была гонка атомных ракет, потом Афганская война. Когда я пришел в Москву в качестве директора “Deutsche Bank”, несколько дней назад началась Афганская война, и американцы требовали начать экономическую войну против СССР. Это было тяжелым **(неразборчиво, 32:27)** для меня.

В это время в Германии было очень много демонстраций против (*дефект записи*, 32:43) демонстраций. Боялись, что наша политика «совместная» – это (*неразборчиво*, 32:49), обязательно быть войне. В то время наши лучшие люди в Германии решили, что мы должны возобновить очень старую немецко-российскую, немецко-советскую (*неразборчиво*, 33:07). У нас это называется (*неразборчиво*, 33:15 – 33:19), значит, сперва (*неразборчиво*, 33:22) чувствуют люди, которые расширяют экономическое сотрудничество, и на этом фундаменте можно потом построить другие связи.

Мы решили пойти на большой риск. Нам Советский Союз в то время предложил устроить (*неразборчиво*, 33:47 – 33:50). “Deutsche Bank” было предложено это финансировать. Для тогдашнего времени это была сказочная сумма – 10 миллиардов марок(?) тем, кто никогда не предоставит нам кредит. Мы здесь, в Москве, в течение года вели переговоры насчет этого. Когда мы это заключили – это было (*дефект записи*, 34:16) (*неразборчиво*, 34:17 – 34:19).

К сожалению, у вас сейчас наши партнеры часто анализируют, каким образом мы как банкиры хотели ввести вас в наши (*неразборчиво*, 34:38). Люди, которые это говорят, не понимают, что это был взаимный риск и взаимный шанс. Если бы этот проект вышел успешным, это бы обязательно могло стать примером для других проектов. Это особенно хорошо (*неразборчиво*, 35:04), который (*неразборчиво*, 35:06) заявил, что Советский Союз – это «империя зла». Именно на “Deutsche Bank” и на Германию была произведена большая политическая (*неразборчиво*, 35:21) США. Они требовали, чтобы мы это прервали. Если бы мы это сделали и (*неразборчиво*, 35:27), это было бы знаком, что больше сотрудничество с СССР (*неразборчиво*, 35:32).

Мы следовали нашей, можно так сказать, вековой традиции, которая уже с (*неразборчиво*, 35:43) времен коммунировал(?) экономическое сотрудничество, торговые, культурные и политические связи. Мы как “Deutsche Bank” выступали как раз не как банкиры в этих (*неразборчиво*, 36:07) работая втайне (*неразборчиво*, 36:10) за закрытыми дверями. Мы постоянно информировали нашу публику о прогрессе переговоров, о возможности. Значит, это действительно стало, как здесь сказали, проектом века. Это был такой хороший пример, что потом мы уже смогли это распространить на другие большие проекты. Другие большие концерны следовали этому примеру.

Моя инновация как директора “Deutsche Bank” (неразборчиво, 36:47) была открыть дверь нашей конторы только для средних и маленьких фирм. У меня каждый день были новые клиенты, которые сказали: «Если ваш проект будет успешным, тогда мы будем следовать вашему примеру и (неразборчиво, 37:04)».

37:06

В следующие годы это сотрудничество между СССР (и попозже с Россией) выросло в несколько раз. Мы соединили этот проект именно с культурными, человеческими и политическими средами. У нас был конкурент – это газопровод «Дружба», который был (неразборчиво, 37:39). А мы сказали: «Наш газопровод не может быть «Дружбой», потому что мы как раз пока еще противники. Но это должна быть связь между нашими странами, связь историческая и культурная».

Поэтому мы предложили создать параллельный, так называемый «культуропровод». Мы начали организовывать совместные выставки культуры и истории. Это было очень **известно(?)**, каким образом здесь (дефект записи, 38:18) **знают(?)** много о нашей стране, и взаимно. С тех пор этот проект повторялся многими немецкими фирмами. Надо сказать, что с тех пор взаимные контакты тоже крепко развивались.

Что это **имеет(?)** совместного с **перечнем (неразборчиво, 38:43)**. Некоторое время назад наши сферы, к сожалению, (неразборчиво, 38:56) включились, и у нас начали говорить о «новой холодной войне». Теперь часто можно слышать пессимистические прогнозы на будущее. Мы как раз думаем, что пример этой тогдашней ситуации теперь нужно поднять, чтобы вывести это из тупика. (Дефект записи, 39:24) вас это **был(?)**, по-моему, (неразборчиво, 39:30 – 39:34) после долгих переговоров привел нас к общему пониманию. Если здесь это принимали во внимание, это было (неразборчиво, 39:46) негативно.

Как вы сегодня утром слышали, по крайней мере, здесь было критики **в отношении(?)** и пессимистических прогнозов. Я думаю, если мы рассуждаем не только как технические, экономические, финансовые вопросы, но как **очень(?)** сплоченные, человеческие вопросы. Это значит **тоже(?)** политические и экономические, тогда можно еще снова начинать сначала. Теперешняя ситуация довольно испорчена. Если мы так продолжим, то это, наверное, пойдет не в ту сторону. Если мы систематически это подвергаем

(неразборчиво, 40:50) заинтересована (неразборчиво, 40:55) сделать, тогда тоже будет взаимопонимание. Если есть взаимопонимание, тогда тоже будет точно (неразборчиво, 41:07).

41:08

Андрей Кобяков: Доктор Лебан. Последняя минута. Думаю, к выводам стоит перейти. В этой связи вопрос. Правильно ли я понял, что большой резерв для развития промышленности (впрочем, не только российской, но и германской) лежит в области совместных проектов в рамках кооперации. Подобного рода отношения не только вполне позволительны, а являются одним из способов преодоления тех ограничений, которые накладывает ВТО, и, может быть, даже выведение некоторых секторов из-под слишком острой и подчас (*дефект записи, 41:50*).

Собственно говоря, кооперативные совместные проекты (особенно крупные инфраструктурные), в которых могут быть задействованы производители и германские, и российские – это путь, по большому счету, для того чтобы возродить промышленность, дать ей устойчивые заказы. В какой-то степени оградить ее от вредной экспансии, уничтожительной для конкуренции со стороны, предположим, восточных, восточноазиатских производителей и так далее. Есть ли в этом резерв?

42:26

Аксель Лебан: Я как раз хочу повернуть (неразборчиво, 42:27) сторону. Нам нужны, в первую очередь, новые совместные проекты, которые дадут пример другим проектам (неразборчиво) возможности, которые будут пропущены без новой (неразборчиво, 42:47 – 42:51). Это (неразборчиво, 42:52) бизнес как нужно(?). Но как наш германо-(неразборчиво, 42:57) проект доказывал, это именно символ сотрудничества и взаимной ответственности.

Есть, например, (неразборчиво, 43:12 – 43:15) довольно легитимное сотрудничество между немецкими фирмами (неразборчиво, 43:20 – 43:23) и российскими клиентами. Об этом люди мало знают. Это надо как-нибудь компенсировать. Весь наш немецкий опыт после воссоединения, экономика (неразборчиво, 43:41) «провалилась» совсем.

Теперь после нескольких лет мы очень концентрированно работаем над индустриализацией(?) (неразборчиво, 43:57), которая частично уже более современная, более эффективная у нас. Это тоже сможет служить поводом

для изыскания новых возможностей. Самое важное, что ментальность насчет **(неразборчиво, 44:19)** не совсем только в том, что теперь это мировая конкуренция, мировая борьба за рынки. Но тоже мировые возможности кооперировать (*дефект записи, 44:32*). Думаю, что если мы исходим из этого нового мышления, тогда ситуация может и должна быть **стабилизирована(?)**. Это **(неразборчиво, 44:42)**, что мы **(неразборчиво, 44:46)** на это другой случай.

44:49

Андрей Кобяков: Спасибо. Какие-нибудь вопросы к доктору Лебану? Мне кажется, чрезвычайно важный вывод, что сами международные отношения, которые мы преимущественно рассматриваем только через призму конкуренции (в основном, инструменты, которые вызывают негативную аннотацию), то забываем про огромный потенциал, который открывается перед международной кооперацией. Это вопросы, которые, конечно, необходимо решать с нашим великим соседом Германией. Тем более, что эти отношения традиционны. Главное, что они в этом отношении, в этом плане могут оказаться взаимовыгодными. Поскольку германская промышленность, хотя и не сильна, тем не менее, испытывает мощное давление со стороны восточных конкурентов.

Поэтому совместные начинания и проекты, кооперативные связи – это, думаю, большой резерв промышленной политики, который может осуществляться как на высоком уровне, так и на уровне уже отдельных предприятий. Так что, мне кажется, было важно обратить внимание на эту тему.

46:00

Евгений Корчевой: 23-го февраля исполнилось 6 месяцев, как Россия находится во Всемирной торговой организации. Действительно, мы уже в ВТО. Но, к сожалению, мое общение... Это общепризнанный факт, что специалистов (да и не специалистов), разбирающихся в том, что собой представляет ВТО, и как вот эти тысячестраничные документы, подписанные Россией, влияют на развитие производства, экономику финансов, страхование, сельское хозяйство и другие сферы – таких специалистов очень мало.

Это часто, кстати, видно по вопросам, которые задаются. Я участвую во многих мероприятиях на тему ВТО. Кстати, недавно мне была тоже большая

честь. В конце прошлого года в Академии народного хозяйства меня пригласили одним из специалистов почитать курс лекций, семинаров для чиновников госуправленцев. Это была группа около 60-ти человек, представляющая среднее (не низкое) звено госуправленцев федерального и регионального уровня. Настолько было очевидно и понятно, что даже школьных базовых знаний нет у нас в государственных структурах.

У нас сегодня здесь присутствует очень хороший специалист по тому, что такое ВТО, как оно работает, к каким последствиям ведет. Это Александра Ждановская, политолог, автор книги «Куда идет Россия за Всемирным банком, МВФ и ВТО». Мы сейчас ей предоставим слово, она подготовила презентацию. Можете выходить, Александра, а я еще пока продолжу.

Я просто хочу сказать, что (*дефект записи, 47:47*) Россия, Дальше она идет в ОЭСР. Кто не знает, это Организация экономического сотрудничества и развития, вступление в которую для России чревато еще большими ограничениями.

Кроме этого, хотел бы озвучить достаточно тревожный факт. То, о чем не говорил Андрей Клепач сегодня. Он говорил о том, что у нас в России промышленный рост идет, что у нас все развивается очень хорошо. А в январе (*дефект записи, 48:12*) производства индекс составил 1%. В феврале уже 2% составил, на фоне до этого вроде неплохих годов.

Мне кажется, Александра сейчас как раз и расскажет, почему это происходит. Почему идет спад в промышленности, и как вступление России в ВТО влияет на эти показатели.

48:42

Александра Ждановская, политолог:

– Добрый день. Я – Александра Ждановская. Я закончила политологию в Институте политологии в Германии. Да, я хотела бы поставить вопрос, в основном, следующий: ВТО – защищаться или выйти. Я хотела бы рассмотреть следующие вопросы. Во-первых, рецепты Всемирного банка и Валютного фонда. Во-вторых, к чему привели эти рецепты в других странах. Опыт огромный. Причем источники есть даже совместные с (*неразборчиво, 49:18*) Всемирного банка и исследования Организации ООН.

Мне кажется, сейчас нам важно вернуться к теориям, которые разрабатывали в Латинской Америке, пытались внедрить на периферии. А именно это теория зависимости. Эти ученые, исследователи обратили вопрос к тому, как разорвать зависимость. Я хотела бы рассмотреть опыт Латинской Америки, индустриализации, в частности, именно как стратегия замещения импорта, к чему он привел. ВТО – защищаться или выйти. Могу сначала озвучить свою позицию как тезис, а потом уже рассматривать более конкретно и с аргументами.

Мой тезис первый в том, что в рамках ВТО, исходя из правил ВТО, исходя из опыта других стран, я не вижу будущего развития России. Но, на мой взгляд, даже (*дефект записи, 50:32*) Россия выйдет из ВТО и будет продолжать политику Валютного фонда и Всемирного банка. На самом деле, развитие России, на мой взгляд... Если мы хотим развития, индустриализации – для этого необходимо выполнить ряд условий, о чем я хочу сегодня сказать.

50:56

Итак(?), ВТО, Всемирный банк и Международный валютный фонд. Они говорят, что стране необходимо снизить импортные пошлины. Они говорят о том, что интеграция в мировую торговлю – это необходимое условие для развития страны. Также в рекомендациях Всемирного банка политика вертикальной интеграции. У меня на тему «Рецепты Всемирного банка» отдельная статья, если кому-то интересно, можно почитать. В частности, политика (*дефект записи, 51:28*) это еще реформы кредитно-денежной системы.

Надо сказать о том, что реформы, которые у нас проводятся... Сегодня много говорилось на тему (**неразборчиво, 51:35**). Те реформы, которые проводятся с 1990-х годов, и налоговая, и кредитно-денежная система – они проводятся именно по неолиберальному концепту. Мы говорили о высоких процентах, как они мешают развитию промышленности. В частности, мы говорили о стерилизации денег и о других проблемах, с этим связанных. В частности, Валютный фонд и Всемирный банк еще проводят политику занижения валютного курса. Это рецепты.

А я хотела бы обратить ваше внимание. Мне кажется, исследование этого (*дефект записи, 52:15*). Этот экономист родом из Кореи. Сейчас он профессор Кембриджского университета.

(*Демонстрация слайда*).

Профессор Кембриджского университета Ха-Джун Чанг, который провел интересное исследование. Он рассмотрел утверждение ВТО о том, что сами развитые страны стали развитыми благодаря тому, что использовали как раз правила свободной торговли. Он рассматривает заявление ВТО о том, что так называемые «азиатские тигры» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг) использовали правила свободной торговли. Он исследует историческое развитие экономики в прошлом.

Он приходит к следующему выводу – о том, что это мифы. Что, на самом деле, развитые страны сами использовали в тот момент, когда у них только развивалась экономика, когда у них развивалась (*дефект записи, 53:39*), использовали рецепты протекционизма. Успех «азиатских тигров» тоже произошел благодаря именно использованию мер защиты национального производства.

Он назвал вот такую политику развитых стран, которые сначала поднялись вверх, а потом говорят: «Мы проводили эту политику, но вам уже не нужно». Вот эту политику он назвал «отбрасыванием лестницы», “Kicking Away the Ladder”.

Теперь развитые страны навязывают развивающимся снижение пошлин на импорт, отмену ограничений импорта. В результате такой политики развивающиеся страны в рамках ВТО не могут стать развитыми, создать свое производство с высокой степенью переработки, и продавать на мировом рынке дорогую продукцию, а не сырье. Не могут обеспечить потребление внутри страны за счет собственного производства.

54:43

Сегодня, кстати, говорили о том, что для того чтобы проанализировать, дать правильный анализ того, что происходит, понять, что такое ВТО, необходимо еще и проводить работу по демифологизации, разоблачению мифа. Есть интересные исследования на эту тему, например, Кристиана Фельбера, «Критика теории свободной торговли». Он заявляет о том, что сами богатые страны ссылаются, например... При рекомендациях ВТО ссылается, например, на теорему Рикардо, который говорит о том, что если, например, что-то страна производит сравнительно более эффективно – она должна на этом специализироваться. Мы видим, что такого не происходит. Но почему-то эти рецепты рекомендуют для развивающихся стран.

Еще у Всемирного банка есть теория национальных цен на ресурсы. Если посмотреть его публикации (в частности, публикации, касающиеся России), то мы увидим: Всемирный банк заявляет о том, что теория Рикардо и теория национальных цен на ресурсы – это две основные теории, на которые нужно ориентироваться стране.

Что же это за теория национальных цен на ресурсы, и в чем, собственно говоря, в ней проблема.

Это теория, на основании которой Всемирный банк говорит: «Можно определить, какие отрасли стоит развивать, какие отрасли, возможно, немножко нужно развивать, какие не нужно вообще развивать». Последствия от следования этой теории достаточно важные.

DRC, теория национальных цен на ресурсы, и вообще это единица измерения. В чем в ней проблема. Проблема состоит в том, что она привязана к расходам на сырье, но по отношению к валюте. Получается, что единица измерения – она извне. Если рассмотреть, например, вот эту теорию Всемирного банка, которую он использует, по оценке, например, конкурентоспособности российской промышленности.

Если рассмотреть эту теорию одновременно, если еще обратить внимание на то, что Валютный фонд и Всемирный банк навязывают развивающимся странам заниженный курс валюты, то получается, что тот анализ, который они предоставляют, не будет отражаться (*дефект записи, 57:43*) стали развитыми благодаря тому, что использовали как раз правила свободной торговли. (*Дефект записи, 57:51*) эта отрасль неэффективной получается по таким анализам, то тоже ее не надо развивать. Вопрос: если мы будем подходить с таким подходом, то что мы будем развивать, или вообще ничего не будем развивать.

58:05

К чему привели рецепты ВТО. На эту тему есть много исследований. Есть, например, исследование Всемирного банка совместное, то есть не только Всемирный банк, по решению инициативы профсоюзной и так далее. Поэтому исследование получилось интересным, независимым. Показывает то, что рецепты ВТО привели к деиндустриализации. Более подробно можно почитать в моих статьях.

Хочу сказать, что дискуссии между свободным рынком и протекционизмом – старые дискуссии. Например, если вернуться к Фридриху Листу, который говорит о том, что «свободный рынок в условиях догоняющего развития консервирует отсталость».

Основное, о чем я сегодня хотела сказать. На мой взгляд, если нам интересно развитие нашей страны, индустриализация, то нам нужно изучить опыт, и теорию зависимости.

Один из известных экономистов, который ее представлял – это латиноамериканский экономист Рауль Пребиш.

(Демонстрация слайда).

Результатом этого анализа Латинской Америки была модель, которую разработала для себя Латинская Америка, и придерживалось ее большинство стран с 1930-х до 1980-х годов – это стратегия замещения импорта.

Что предусматривала эта модель. Развитие национального производства в стране и замещение импорта. Развитие национальной промышленности и сельского хозяйства. Вертикальная интеграция. Отмечу: наоборот нам советует Всемирный банк.

60:03

Суверенная экономическая политика. На пути этого стоят Международный валютный фонд и Всемирный банк.

Суверенная эмиссионная политика. На пути этого у нас стоят Международный валютный фонд и Всемирный банк.

Что для этого нужно.

Большой рынок, обеспечивающий спрос. В России есть большой рынок. Повышение покупательной способности благодаря перераспределению доходов, конечно же, поможет этой модели. Не говоря уже о том, что это еще и справедливо.

Еще одной из составных частей этой стратегии была региональная интеграция. Какие это плюсы это дает. Сейчас, по-моему, это тоже очень актуально: защищенность в периоды кризисов и рецессий. Мы с вами находимся сейчас в периоде кризиса.

Конечно же, плюсы от такой модели – это повышение занятости.

60:54

К чему привела модель стратегии замещения импорта (такая индустриализация) в Латинской Америке. Вначале 1950-х национальная промышленность производила 95% потребительских товаров в Мексике, 98% в Бразилии. Между 1950-м и 1970-м годом промышленное производство в Латинской Америке выросло в 6 раз, детская смертность сократилась, средняя продолжительность жизни выросла.

Мы знаем, что во всем мире происходят протесты «против» ВТО. На это есть причины. Хочу процитировать известного египетского экономиста. С его работами, на мой взгляд, тоже необходимо познакомиться. Это Самир Амин, директор Форума стран Третьего мира. Он пишет: «Роль ВТО по отношению ко всем странам периферии – не допустить, чтобы колонии стали в будущем конкурентами. И для этого отнять у государств периферии право на самостоятельное законодательство».

61:57

К сожалению, времени немного. Нет возможности рассматривать подробно по всем соглашениям, но это можно показать на отдельных соглашениях.

На соглашениях ТРИПС по патентам. На соглашении ТРИМС. Оно касается инвестиций и не дает права устанавливать национальное регулирование. Например, по ТРИМС были судебные процессы: Япония, США и ЕС выступили «против» национальной программы развития автопрома в Индонезии.

Соглашение НАМА.

Какую выбрать стратегию по поводу ВТО. Мне вспоминается немецкий писатель, поэт и политический деятель Бертольд Брехт...

62:58

Мужской голос: Александра, время ваше истекло. Я предлагаю 30 секунд вам дать для заключительного слова.

Александра Ждановская: Может быть, такую замечательную карикатуру тогда. Последняя мысль по поводу Бертольда Брехта и стратегии. Речь шла о

1930-х годах. Его цитата звучит примерно так: «Когда приходили за социал-демократами, я молчал. Когда приходили за коммунистами, я молчал. Когда приходили за евреями, я молчал. А сейчас меня защищать некому».

На мой взгляд, если каждый будет защищать свою отрасль, в конце концов, у России будут проблемы. Не знаю, каждый выбирает – оставаться в этой стране или уехать. К сожалению, многие мои знакомые уезжают. Мне хочется здесь оставаться. Давайте думать вместе, как нам жить в этой стране.

Мужской голос: Спасибо, Александра. Действительно, у вас очень интересное окончание. Я могу сказать, что я бы хотел не только сам остаться в этой стране, но я хотел бы, чтобы мои дети тоже остались жить в этой стране. Чтобы у них была интересная работа, и им здесь было комфортно жить.

Мужской голос: Вопрос!

Мужской голос: Да, конечно. Давайте по порядку. Есть микрофон, а я как сопредседательствующий сейчас буду определять. Кто бы хотел задать вопрос? **(Неразборчиво, говорят вместе, 64:25)** вы уже задавали вопрос.

Мужской голос: Мне уже дали микрофон.

Мужской голос: Нет, давайте все-таки поуважаем. Я вам предоставлю слово.

64:29

Мужской голос: Я сейчас буду действовать как ВТО – с позиции силы! Александра, вы очень-очень жестко...

Мужской голос: Я здесь ведущий. Я определяю, кто будет задавать вопросы.

Мужской голос: Спасибо. И все знают, чем это закончится.

Мужской голос: Пожалуйста, передайте микрофон! *(Говорят вместе, шум)*. Микрофон, пожалуйста, передайте. Я буду здесь решать, кто и что будет говорить, к сожалению, пока я председательствующий. Когда я выйду в коридор, можете сделать со мной все, что угодно.

Мужской голос: То есть, вы будете ВТО?

Мужской голос: Да. Пожалуйста, вопрос.

64:56

Мужской голос: Исходя из тематики нашего Форума, мы должны все-таки определять, что в условиях отсутствия внятной промышленной политики нам сейчас делать, исходя из вашего доклада. Маленькие азиатские страны, проводя одновременно...

Мужской голос: Вопрос! Давайте вопрос.

Мужской голос: Хорошо. Каковы будут рекомендации, исходя из вашей презентации, что делать в реализации промышленной политики в этих пока еще новых условиях. Судя по всему, эти условия уже не изменятся. Раз залезли, то выйти мы навряд ли уже можем.

65:33

Мужской голос: Я вынужден уточнить. Рекомендации государству или рекомендации бизнесменам?

Мужской голос: В принципе, нельзя же отличать. *(Говорят вместе)*. Государство должно внимательно слушать бизнесменов. Государственные структуры – формировать свою политику.

Мужской голос: Александра, понятен вопрос?

Александра Ждановская: Наверное, ответ *(неразборчиво, 66:03)*. На мой взгляд, меры защиты ничего не решат. Может быть, еще раз перечислю, что как минимум нужно. Это финансирование образования, науки, технологий, развитие инфраструктуры. Но эти минимальные меры без изменения всей кредитно-денежной политики, всей политики и концептов, которые применяются в России и даются России Валютным банком, Всемирным фондом и ВТО... Выхода именно и развития... Их недостаточно.

Хорошо. Скажем, в какой-то период их можно пытаться применять, но я не могу сказать, что это будет для нас выходом и решит.

67:03

Мужской голос: У меня такой вопрос. Страны Латинской Америки, Китай и другие страны в своей индустриализации использовали опыт Советского Союза, который провел мощную индустриализацию, создал современную промышленность *(неразборчиво, 67:20)*. Почему вы ничего не упомянули об

отечественном опыте индустриализации и применении его в настоящем времени?

Александра Ждановская: Конечно, я с вами согласна. Это тоже нужно изучать, исследовать. Мне казалось, что концепции замещения импорта не настолько известны, и это тоже будет интересно.

Мужской голос: Что касается импортозамещения. Единственно, насчет того, что оно малоизвестно (**неразборчиво, 68:02**). Через Смоленск проехали – Белоруссия. Они выживают за счет программы по замещению. Но вопрос не об этом. У меня сложилось впечатление, что вы больше знаете, чем говорите. У вас есть своя интуитивная версия того, что и как происходит. Скажите... Меня ваше мнение интересует. Как вы считаете, почему вообще наше Правительство, знающее (**неразборчиво, 68:24**), подписало документ о присоединении к ВТО. Ваша версия.

68:35

Александра Ждановская: Потому что мы повязаны Валютным фондом и Всемирным банком. У нас долговая зависимость.

Мужской голос: (**Неразборчиво, 68:46**).

Александра Ждановская: На мой взгляд, в этом решении сыграла большую роль зависимость от международных институтов.

Мужской голос: Вопрос такой.

Мужской голос: Не забываем представляться. Было бы хорошо знать, кто задает вопрос.

Мужской голос: Анатолий (**неразборчиво фамилия, 69:07**). Делается ли разница в этих исследованиях между импортерами и экспортерами сырья? Есть ведь и развивающиеся страны-импортеры сырья. Тот же Китай и та же Турция. С этим связан такой вопрос. Зачем нам вообще какая-то промышленность? Нам же все дешевле купить на нефть. Ежели те деньги, которые мы вкладываем в производство ЖБИ, вложить в добычу нефти, то, продав нефть, мы покупаем “Mercedes”. Какой смысл?

Мужской голос: Зачем нужна промышленность.

Мужской голос: Да, вы совершенно правы.

(Реплики в зале неразборчиво, обсуждение).

70:04

Александра Ждановская: Я хотела бы по поводу того, зачем нужна промышленность. Хотела указать на интересную и важную, на мой взгляд, теорию о неэквивалентном обмене. Если мы будем на международный рынок поставлять ресурсы, а потом покупать промышленные товары, во-первых, то мы будем терять. Во-вторых, что значит «зачем нужна промышленность». Вокруг промышленности сосредоточены рабочие места в промышленности, в науке.

70:40

Мужской голос: Короче, зачем вам нужны руки. Это называется так.

Мужской голос: *(Вопрос неразборчиво, говорят вместе, 70:43).*

Мужской голос: Ответ прозвучал. О чем было еще *(неразборчиво, 70:49).*

Мужской голос: Коллеги, можно мне. Я к тому, что у меня складывается впечатление, что вам-то известен ответ на ваш вопрос. Но давайте не будем превращать в комедию наше заседание. Вы лучше потом сообщите нам это в качестве комментария, взяв слово.

Право слово, вопрос риторический: зачем нужна промышленность. Это примерно как в свое время Гринберг был вынужден признать, что при нынешнем катастрофическом спаде производства станкостроения (уже почти никаких станков не производят) через 20 лет нам просто готовиться сдавать ядерное оружие, потому что не бывало в мире прецедентов, чтобы страна имела ядерное оружие, не имея станкостроения.

(Неразборчиво, 71:33) для чего. Понятно, для чего: потому что это взаимосвязанные цепочки. Это стратегический вопрос, в конце концов. Наконец, права, конечно, Александра: в связи с тем, что, вообще-то... Сегодня очень высокие цены на нефть. Это очень конъюнктурная вещь, Чего будет через 10 лет с ценами на нефть, учитывая современную динамику, знаете.

Понятное дело, что лучше иметь вообще самодостаточную экономику. Вопрос-то риторический. Я не очень понимаю.

71:58

Мужской голос: Вы говорите, что это политическая необходимость?

Мужской голос: Это не политическая. Это в том числе экономическая необходимость, потому что если бы так рассуждали, понимаете, мы бы не имели на сегодняшний день настоящих лидеров экономических, там был назван какой-то странный профессор из Кембриджа с китайской фамилией. Он получил даже премию (**неразборчиво название, 72:16**) 2003-го года. Простите, это все было написано еще Дмитрием Менделеевым в его девятисотстраничной книге «Толковый тариф», где он полностью показал, что в мире нет примера ни одной успешной страны, которая бы не прошла через систему жесткого протекционизма. Только после этого она становится развитой и начинает всем остальным диктовать, как им не надо идти тем путем. Как они должны открыть все свои рынки и так далее.

В этом ничего нового нет. Вопрос – что мы можем делать в этих условиях. Уже приняли условия, понимаете! Вопросов два. Действительно, возможности. Если мы понимаем, что это зло, то как с ним бороться. Выходить? Это беспрецедентная штука, во-первых. Во-вторых, год назад вошли, а сейчас выйдем? Значит, все равно какое-то время потерпим, прежде чем... Как у нас вызревают эти решения, то же понятно.

Вряд ли это выход. (**Неразборчиво, 73:07**). Чего делать-то.

73:08

Женский голос: Давайте продолжим.

Мужской голос: Я предлагаю продолжить.

(Реплики в зале неразборчиво).

Женский голос: Давайте продолжим дискуссию!

73:18

Мужской голос: Разрешите вам (**неразборчиво, 73:19**). Сколько был средний тариф в России перед тем, как она влезла в ВТО?

Женский голос: Какой тариф? О чем речь.

Мужской голос: Средний. Масса экспорта.

Мужской голос: Вы имеете в виду, какая была средняя таможенная ставка? Ладно, давайте продолжим эту тему. Вы, Александр Николаевич, тоже прекрасно знаете, что вопрос касается не только тарифа.

Мужской голос: (Неразборчиво, 73:43).

Мужской голос: Конечно, они уже были очень низкие, поэтому не видим пока эффекта этого. Другое дело, что там куча других вещей. Вы тоже знаете. Предоставление режима домашнего и иностранного и так далее. Невозможность... В госзаказ не запускать иностранных конкурентов. Там есть масса других вещей, которые отнюдь не тарифного характера уже, понимаете. **Меры, по которым мы открываемся.**

Об этом вообще никто не говорит. Они специально свели весь разговор по тарифам: «Смотрите, мы снижаем всего на какие-то три процентных пункта». Вот, дескать, и весь вопрос...

74:13

Мужской голос: (Неразборчиво, 74:13).

Мужской голос: Вы получите сейчас в своем выступлении право. У нас есть запланированный список участников – по нему пока двигаемся. Вы у нас встаете в очередь, правильно я понимаю, Александр Николаевич?

Я хотел бы предоставить слово известному борцу с ВТО **Николаю Старикову**. Нашему соратнику в этом и одному из организаторов движения «СТОП ВТО», к которому мы все принадлежим. Надеюсь, он поделится своими соображениями по поводу того, чего нам теперь в этих обстоятельствах надо делать.

74:53

Николай Викторович Стариков, член Центрального Совета «Профсоюза граждан России»:

– Добрый день, уважаемые коллеги!

Для того чтобы сэкономить время для последующих ораторов (тем более я вижу, что дискуссия острая и желающих выступить будет много), я постараюсь быть лаконичным и кратким.

Мы с вами видим, что потихонечку, хотя всего докладов было совсем немного, дискуссия начинает перемещаться из экономической сферы в сферу политики. Это совершенно правильно. Рассматривая вопрос ВТО, мы не можем экономику отделить от политики. Да и вообще в ВТО политики значительно больше, чем экономики.

В самом начале своего выступления я хотел бы ответить на вопрос, который задали предыдущему оратору. Вы уж простите, что я возьму на себя наглость ответить на вопрос, который задали вам.

75:35

Почему Россия вступила в ВТО? Россия вступила в ВТО, потому что осенью и в декабре 2011-го года Россия подверглась колоссальной информационной атаке и проиграла ее. Наша государственность очень сильно закачалась в декабре месяце после выборов в Государственную Думу.

Здесь, конечно же, наши геополитические «друзья»... Что эти «друзья», что ВТО – по большому счету это вид сбоку, одно и то же. Они, для меня это очевидно, заставили Россию вступить в ВТО, чтобы подвести какой-то итог 18-тилетним переговорам. Восемнадцать лет мы им обещали, 18 лет они эти обещания терпели, но воспользовались моментом и это сделали. Это первое.

Второе. Я напомним вам, что в тот момент фамилия нашего Президента звучала по-другому, чем она звучит сейчас. Так что это тоже был очень удобный момент, чтобы втащить Россию в организацию, которая не несет ничего хорошего.

76:37

Видите, я начал с политических высот, что называется. Собственно говоря, о политике я и хотел бы поговорить в связи с ВТО.

Для того чтобы понять суть Всемирной торговой организации, нам надо понять несколько простых вещей. Этот мир достаточно прост и одновременно достаточно жесток. Все организации, которые создаются в этом мире, создаются для преследования своих интересов: конкретных интересов конкретных стран.

Никогда не было никаких союзов, которые создавались, чтобы дети хорошо кушали, и чтобы был мир во всем мире. Да, в советское время были структуры, борющиеся за мир во всем мире. Можно было бороться за мир до

пенсии с перерывом на обед и ужин. С хорошей пенсией выйти, а мира так и не будет во всем мире.

То же самое: процветание экономики, разговоры о глобализации, о слияниях, об общем человеческом доме – это всего лишь слова. Идет жесткая конкуренция за ресурсы. Те, кто хочет жить хорошо, вынуждены часть ресурсов отнимать у других государств.

77:40

Раньше, в Античности, все это было достаточно примитивно: (неразборчиво, дефект звука, 77:43) на одной улице, в одном доме. Это вызывало определенные эксцессы. Теперь рабов немножечко перенесли за континент. Я в данном случае, слава Богу, имею в виду не нашу страну, а азиатские страны, которые за гроши производят какие-нибудь iPhone, которые потом за сумасшедшие деньги продают жителям развивающихся стран.

Таким образом, ничего в этом мире не поменялось со временем Античности: чтобы кто-то жил хорошо, кто-то должен жить плохо. Чем больше становится тех, кто живет хорошо, тем хуже и тем больше людей должны жить плохо. Это надо понимать.

Для России стоит вопрос: нас тщательно... Большую страну с большим населением не могут принять в «золотой миллиард» или даже в «золотые полмиллиарда». Нас активно пытаются затолкнуть в ту часть планеты, которая должна жить все хуже, чтобы кто-то продолжал жить хорошо.

Обратите внимание, за последние десятилетия (тут, я думаю, со мной согласятся все в независимости от политических взглядов) уровень доходов в России вырос, уровень жизни вырос. Смотрите, что происходит на Западе: он одновременно упал! Это сосуды, которые между собой сообщаются. Как только мы оставляем часть ресурсов здесь, они начинают задыхаться там.

78:55

И наоборот: вся система должна, по их мнению, быть большим пылесосом, который вытягивает все ресурсы. Мозги, людские, денежные, финансовые. Все, что угодно. Все должно перекачиваться туда, чтобы там продолжался карнавал. «Титаник» не может плыть – у него большая дырка в боку. Он может плыть, только постоянно огромной помпой выкачивая воду. На самом деле, конечно, закачивая туда.

Теперь хотелось бы еще несколько моментов отметить.

Мы в последнее время слышим много разговоров о новой индустриализации. Это все правильно. Правда, сейчас ее как-то называют по-другому. Не слово «индустриализация», а называют «модернизацией». Для того чтобы что-то модернизировать, надо иметь это «что-то».

79:36

Главный вопрос, который стоит: новая индустриализация подразумевает создание нового. Вступление России в ВТО поставило под вопрос существование старого. Модернизировать будет нечего, если играть по правилам ВТО. Эти правила направлены на то, чтобы открыть рынки развивающихся и других стран для западного капитала, для западных товаров – это однозначно.

Эта река течет в одну сторону. Не бывает, за редким исключением, рек, которые меняют направление движения. Все течет в одну сторону. Мы должны открыть, они должны тут все заполнить своим производством, товарами и так далее.

Главный принцип, который мы должны для себя понять. Мы свою экономику защищаем или сдаем? Разговоры уважаемых либералов из Правительства, что «все хорошо, прекрасная маркиза», точно иллюстрация этой песни. «Все хорошо, прекрасная маркиза, все здорово», но тут вопрос – где хорошо и что хорошо.

Мы видим совершенно четкие движения в диаметрально противоположных направлениях у Правительства и Президента. Я напомним самый вопиющий случай. Когда был поднят вопрос об утилизационном сборе, чтобы защитить отечественных производителей сельхозтехники и вообще производителей автомобилей и так далее, это был красивый выход в рамках ВТО, чтобы и честь соблюсти, и своего производителя защитить. Прекрасная идея.

81:05

И что мы узнаем в конце февраля? Оказывается, утилизационный сбор должны платить теперь все! Но это же называется вредительством. По-другому это не называется. Отечественные производители автомашин, в том числе комбайнов, лоббируют в хорошем смысле этого слова дополнительный

налог, который делает нашу продукцию, внутри произведенную, конкурентоспособной.

В итоге Правительство на них же этот налог и накладывает. Смысл какой у налога? Никакого. Конечно же, это не глупость – это значительно более плохая вещь.

81:43

Дальше хотелось бы пройтись по некоторым сферам нашей экономики. Буквально в двух словах охарактеризовать, что происходит.

Сельское хозяйство. Несмотря на то, что мы сегодня говорим о промышленности, оно имеет прямое отношение к промышленности тоже, потому что производство тех же самых комбайнов – это производство уже, это промышленность. Но она полностью зависит от развития сельского хозяйства. Если сельское хозяйство встанет, то никто не будет покупать продукцию сельскохозяйственного машиностроения.

В сельском хозяйстве уже большие сложности. Произведенный внутри России килограмм свинины стоит дороже, чем килограмм свинины, ввезенный из-за рубежа. Естественно, все это встанет. Уже бьют тревогу. Удивительно видеть удивленные лица министров – они что, не знали, что это будет? Это очевидная вещь, потому что уровень дотаций сельского хозяйства не сравним с уровнем дотаций у нас.

Я не хочу вас загружать цифрами. У меня здесь по всем пострадавшим и тем, которые могут пострадать, отрасли... Да, там снижаются везде налоговые пошлины. Значит, ситуация будет ухудшаться по мере снижения таможенных пошлин. Все абсолютно понятно.

82:51

Как мы можем решить этот вопрос? Вопрос не экономический – вопрос политический. Это мы с вами должны понять.

Нам нужно Правительство, в котором будут в хорошем смысле исключительно единомышленники. Если хотите, идеологическое Правительство, которое главной своей задачей будет понимать развитие экономики в России и защиту национального производителя, а не соблюдение правил ВТО.

Задача Правительства – сидеть и думать, как обойти правила ВТО, чтобы внутри России было хорошо, а не сделать так, чтобы их похлопали по плечу и сказали: «Молодцы, вы здорово эти правила соблюдаете». Это правила уничтожения нашей промышленности и потери суверенитета.

83:34

Предыдущий докладчик прекрасно показал, что, собственно говоря, управление ВТО (рекомендации Всемирного банка) – по сути, это потеря суверенитета. Кто-то где-то решает, какие нам отрасли развивать или нет.

Извините, у нас история страны многовековая! Мы что, всегда были какие-то глупые и убогие? Нам, может, Всемирный банк тысячу лет назад рассказывал, куда мы должны двигаться и что мы должны развивать? Как-то мы без Всемирного банка, знаете, жили и нормально. Не тужили.

Собственно говоря, в Берлин в 1945-м году нам тоже Всемирный банк, мягко говоря, не помогал входить. Скорее всего, мешал, выдавая кредиты Адольфу Алоисовичу Гитлеру в 1930-е годы.

Здесь мы опять видим вопрос политики. Чистая политика. Если мы начинаем играть по правилам ВТО, мы теряем свой суверенитет. Нам это абсолютно не нужно.

84:28

Следующий момент, который хотел бы отметить.

Это важно. Это ставка рефинансирования. Собственно говоря, ключ: деньги, мировая экономика, финансы. Все это между собой связано. Если мы оставляем высокую ставку рефинансирования, у нас, естественно, промышленность оказывается в сложном положении.

Я сейчас был на Украине. Могу сказать – там положение еще хуже. Если у нас ставка рефинансирования 8,25%, там она сопоставима. Но кредиты там выдаются не под 18% – 19% как у нас, а под 28% – 29%. Так что на Украине вообще никто не работает в этом смысле. Смысла никакого нет с такими кредитами работать.

В этой связи я хочу сказать, что наши эффективные менеджеры, которые нас тянут в ВТО, сами по этим правилам играть не собираются. Сейчас я ехал сюда и взял сегодняшний номер газеты «Известия». Можете тоже прочитать

– очень интересный. Там рассказывается, как работает «славная» корпорация РОСНАНО.

85:25

Статья рассказывает о том, что они строят... Неважно, что они строят. Суть в том, что они просили «ВТБ» выдать им кредит под 5%. Тогда экономика у них бьется, а вот выше 5% (11%, а это же мечтать о таких процентах) – уже у них не бьется, понимаете, никакая эффективность.

Дальше строчка. Написано: тот проект, который они делают, хороший, интересный, но себестоимость пока в 7 раз дороже, чем стоимость этого товара на рынке.

Эффективные менеджеры себе-то кредиты дают под дешевые проценты, понимая, что с большими кредитами никуда дальше не пойдешь.

Последнее, что я хотел сказать. Еще важнейший, абсолютно политический (если хотите, геополитический) аспект вступления в ВТО – это судьба Таможенного союза, которая тоже поставлена на кон в определенном смысле.

На Украине сразу задают вопрос, когда я им говорю, что надо вступать в Таможенный союз. Они говорят: «А правила ВТО или правила Таможенного союза будут соблюдаться? Что первично». На мой взгляд, здесь даже вопрос не стоит! Естественно, Таможенный союз, Евразийский союз – это наше будущее, это наше геополитическое объединение. ВТО – это объединение, которое призвано вогнать нас в каменный век. Тут даже и выбора нет!

86:37

Но этот выбор должно делать Правительство, повторю еще раз, которое будет абсолютно идеологическим. Для которого ВТО – это люди, которых мы должны обвести вокруг пальца, чтобы они не обвели вокруг пальца нас.

Таможенный союз – это мы сами, это наши братья, это разорванное на части единое целое.

Давайте набирать в Правительство побольше патриотов. Очень умных и немножечко хитрых, которые будут наших геополитических друзей, улыбаясь, разводить на всякие хорошие вещи.

Спасибо.

87:10

Женский голос: Политические технологии мешают.

Мужской голос: Вопросы есть к докладчику? У меня есть такой вопрос. Я хотел, чтобы (**неразборчиво, 87:21**) акцент какой-то поставить. Вы сказали, что это явно не глупость, а кое-что похуже. Наводит на страшные выводы. Что, у нас в Правительстве сплошь и рядом люди те, что «похуже»? Непонятно, как так. Саботаж, вообще говоря, каких-то стратегических решений.

Как такое вообще возможно! В системном отношении может быть один, два, ну, пять вредителей, а что тут-то такое. Как это может быть целой системой, которая работает на основе какой-то совершенно другой извращенной логики. Этого я, сколько ни думаю, никак не могу понять. Это что должно быть такое.

Николай Стариков: Я думаю, вы немножечко в данном случае лукавите. Не кокетничайте – все вы прекрасно понимаете. Мы знаем историю 1930-х годов, когда все наши товарищи в рамках одного ленинского Политбюро были. Все были верные ленинцы, а потом выяснилось, что некоторые ленинцами не были. Были с иностранными разведками связаны.

Либеральная идеология диктует определенные шаги. Человек может искренне заблуждаться, я в этом не сомневаюсь. Но он вредит своей стране. Значит, он должен со своего поста уйти. Если мы с вами будем играть в увлекательную игру «Посчитай вредителей в Правительстве», у нас с вами не останется больше ничего, чтобы мы говорили сегодня о ВТО.

Вы знаете Правительство. Вы знаете, кто там чего стоит. Они показали себя не только в деле, но и особенно в политических историях: «Закон Димы Яковлева» и так далее. Некоторых министров уже уволили за саботаж. Некоторые, я думаю, уже чемоданы пакуют. В целом там есть, конечно, несколько абсолютно патриотично мыслящих замечательных людей.

88:54

Но количество замечательных людей, на мой субъективный взгляд, там все-таки пока меньше, чем либералов. Отсюда начинается история, описанная еще великим баснописцем: «Лебедь, рак и щука». Я тут не знаю, либералы –

это раки или щуки. В общем, надо, чтобы не «всякой твари по паре» было в Правительстве, а чтобы там был исключительно набор единомышленников одной масти.

89:17

Мужской голос: И что делать?

Мужской голос: Я извиняюсь. У меня (неразборчиво, 89:22) вопрос. Плохие или хорошие, но он следующие. По-моему, так: если мы движемся в худшем направлении, (неразборчиво, 89:29) все хуже и хуже, надо принимать какие-то меры. Если мы видим, что идем не туда, то кто-то должен по результатам раздавать «на орехи».

Я не пойму одного. Я не (неразборчиво, 89:41). Я считаю, что эффективного менеджера надо оставить, не эффективного надо снять. Вопрос. Если некоторые министры, по вашим словам, заблуждаются, но результат у них негативный, необходимо принимать меры какие-то административные. Почему этого не происходит? **Почему я и переживаю.**

90:00

Николай Стариков: Во-первых, не все сразу. Во-вторых, меры принимаются. Посмотрите, некоторые министры, я говорил, уже уволены.

Женский голос: Давайте ближе к (неразборчиво, 90:10)!

Николай Стариков: Давайте, действительно, вернемся к ВТО и позволим разбираться с Правительством тому, кто должен разбираться с Правительством. Есть Президент – он назначает Правительство. Мы можем рекомендовать и просить его немножечко это Правительство видоизменить.

Мужской голос: Давайте двигаться дальше. По поводу «орехов»... Для меня было...

Женский голос: Давайте дальше!

Мужской голос: Давайте дальше будем двигаться. Я короткий комментарий скажу по поводу «орехов», раздачи «на орехи». Видели, наверное: есть Приказ о тех людях, которые отвечали за вступление России в ВТО. Они награждены государственными наградами. Значит, они задачи, **[поставленные]** Правительством, выполнили достойно. Это первое.

Второе. Николай Викторович поднял вопрос про Таможенный союз. Наверное, вы это тоже знаете. Я озвучу факт. В чем противоречие Таможенного союза и ВТО? Россия вступила в ВТО, а Таможенный союз взял ставки таможенных пошлин, о которых договорилась Россия.

Следующим вступает Казахстан. Его (неразборчиво, 91:05) ставки ниже товары, чем те, которые в России.

91:07

Мужской голос: Еще более.

Мужской голос: Да, еще более низкие ставки. Как только Казахстан вступает в [ВТО], весь Таможенный союз берет ставки Казахстана (еще ниже). После этого есть другие кандидаты: например, Киргизия, которая тоже хочет вступить в Таможенный союз. Как только в Таможенный союз вступает Киргизия, весь Таможенный союз берет нулевые ставки Киргизии.

Я могу ошибаться (давно учился в школе), но, по-моему, в физике это называется энтропией, которая только уменьшается. Здесь то же самое. Ставки могут только уменьшаться. Они не могут вырасти. Соответственно, это плохо сказывается на индустрии.

По поводу «давайте дальше». Также Николай Викторович сказал, что есть Украина, где еще хуже.

91:45

Мужской голос: Я думаю, тему Таможенного союза надо практически оживить, во-первых. Во-вторых – да, у нас же есть прецедент чуть более ранний. Украина вступила раньше России. Последствия тоже там сказались раньше. Я думаю, надо послушать эту точку зрения.

У нас есть практик: **Сергей Александрович Серебряков**, генеральный директор Харьковского тракторного завода. Когда-то известного на весь мир, а не только весь Советский Союз, предприятия.

Сергей Александрович Серебряков, генеральный директор «Харьковского тракторного завода им. С. Орджоникидзе»:

– Я поприветствую всех участников Форума!

Достаточно недалеко, буквально в тысяче километров, находится государство, которое несколько раньше, чем Россия, вступило в ВТО. Очень показательно для меня в каком плане. Все было одинаково: одна инфраструктура, одна идеология, одна ментальность, одна культура. Рядом законодательства национальные. И вот она вступила в ВТО.

92:43

К чему же мы пришли.

Я сразу хочу сказать, что был серьезным активным руководителем предприятия, который пытался противостоять, как мог, вопросу вступления Украины в ВТО. Правительство Украины тогда возглавляла **Тимошенко Юлия Владимировна**.

У меня всегда закрадывался вопрос: как же они так вступают. Украина вступала в ВТО абсолютно секретно от своего бизнеса и народа. Реально опубликованных материалов, что же нами такое подписано, мы смогли получить, наверное, года через два после того, как вступление произошло.

На Ассоциации «Росагромаш» в Нижнем Новгороде года три назад я поднимал вопрос, зная ситуацию: как же Россия вступает в ВТО. Где же можно системно почитать.

Но очень интересная информация подается к вопросам Правительству, как же документ сформирован. Он сформирован таким образом, что без глубокого системного анализа группы людей или каких-то институтов получить короткие, сжатые, понятные для понимания выводы невозможно. Невозможно было в этих документах ориентироваться вообще.

94:02

Теперь о том, что же произошло.

Первое. Надо четко отдать себе отчет, что рассматривать правила ВТО в отдельности от МВФ и других международных экономических и глобальных институтов нельзя. Это все звенья одной очень хорошо продуманной системы (**неразборчиво, 94:25**).

94:25

Была бы большая глупость говорить только о ВТО, не говоря обо всем остальном. Абсолютно согласен – она об этом сказала. Это звенья одной цепи и одной системы.

Что же произошло.

Небольшие цифры. Украина реально начала приводить свое национальное законодательство, в том числе налоговую и таможенную систему, в соответствие правилам в 2005-м году. Если 2004-й год Украина закончила с профицитом 3 – 4 миллиарда долларов торгового баланса (примерно 30 миллиардов долларов экспорта и 26 миллиардов импорта), то уже в 2005-м году отрицательный баланс составил 1,5. Сейчас 15,8 по 2012-му году.

Каждый год нарастание отрицательного торгового баланса в Украине идет катастрофически быстрыми темпами. Сегодняшнее состояние экономики Украины можно называть как государство-банкрот. Огромная бюджетная дыра, огромные проблемы с возмещением НДС, абсолютно неразумное налоговое администрирование. Но украинские власти сегодня уже понимают, во что они вступили.

95:35

Что же теперь происходит.

Теперь на всех уровнях правительства Украины начался разговор: надо что-то делать. Вы знаете, они несколько дней назад подняли пошлины на автомобили. Рассматривается вопрос различных мер государственной поддержки, но поздно.

На Украине осталось примерно три сахарных завода. Когда-то их было сотни. Из машиностроительных **(неразборчиво, 96:00)** сельхозмашиностроения, на Украине остался один наш завод. Я вам рассказываю: у нас примерно сейчас 4 миллиарда рублей выручки. Из них 3 миллиарда 900 миллионов – это экспорт. То есть, внутреннего рынка нет вообще.

В основном это экспорт, конечно, в Россию. Мы – крупнейший импортер сельхозтракторов в Российскую Федерацию, если не считать Белоруссии как союзного государства Таможенного союза. Крупнейший импортер. Продаем в разные страны мира сегодня.

96:30

Мы не говорим про Советский Союз. Когда-то продавалось, в том числе, и в капстраны: в 122 страны экспортировал завод и производил сотни тысяч тракторов. Сегодня мы производим 3 тысячи. Из трех тысяч на Украине продано меньше 100.

Вот это та система, которая пришла. Я специально приехал на этот Экономический форум. Только вчера мы с Константином Анатольевичем говорили. Я говорю: «Я хочу выступить, потому что я хотел бы предостеречь россиян о том, что надо проснуться. Это непростой вопрос».

Это реально вопрос не то что экономического, но и политического суверенитета страны. Это очень непростые вещи. Нельзя ВТО рассматривать отдельно.

Какие же меры мы на Украине попытались выработать.

Я хочу сказать, что в 2012-м году порядка 50-ти ассоциаций на Украине из разных отраслей объединились. Мы выступили с объединенным обращением к премьер-министру Азарову и президенту. Реально бизнес и промышленность на Украине бьет набат. Это катастрофа фактически!

97:40

Но это уже поздно. Сейчас в Росси есть еще, на мой взгляд, временный лаг, потому что **(неразборчиво, 97:47)** все меньше и меньше.

Что мы предлагаем.

Первое. Структурировать правила ВТО и опубликовать их в читаемом понятном для всех, а не для узкого круга экспертов, виде. Это достаточно сложная работа.

Второе. Поставить четкие задачи перед профильными министерствами правительства о поддержке экспорта, с одной стороны, и традиционных процессов, о чем говорил господин **(неразборчиво, 98:19)** с членами ВТО, за счет государственных мер поддержки. Все-таки организовать работу по четкому анализу защиты внутреннего рынка.

98:32

Почему я сейчас об этом говорю.

Смотрите, Украина – аграрная страна. Я не буду сейчас точных цифр говорить, потому что я ими не владею окончательно, но примерно так: на 5,5 миллиардов долларов Украина экспортировала продукции сельскохозяйственного назначения. На 5,5 миллиардов долларов закупила сельхозоборудования и сельхозтехники. Как страна в макроэкономике, любой экономист скажет, она зарабатывала 0. Ничего вообще.

99:00

Женский голос: А куда делась металлургия, объясните мне.

Сергей Серебряков: Я сейчас про металлургию конкретно скажу. Металлургия как отрасль снизилась на 14% (экспорт). По металлургии на Украине происходят вообще интересные вещи. Общий балл падает немножко, но внутри структура очень интересная. Металла продают все меньше, а руды все больше. Простой руды.

В Одессе строят порты, которые просто экспортируют руду. Даже не металлопереработку. Украинским бизнесменам, в том числе **(неразборчиво, 99:32)** это выгоднее, чем делать металл и продавать металл. Он просто копает руду, делает первичную обработку и продает ее **(неразборчиво, 99:38)**.

Мужской голос: Нефть дешевле **(неразборчиво, 99:42)**.

Сергей Серебряков: Большая проблема экономической независимости, большая проблема занятости, социальной напряженности. Вы видите, как шатается экономическая система. Фактически сегодня... К примеру, законодательные органы страны 4 месяца заблокированы (их работа).

100:00

Там есть какие-то национальные особенности. Но главное в ситуации то, что ресурсов становится все меньше, а желающих ими пользоваться становится больше или то же самое количество.

Кому же выгодна ВТО в России.

На мой взгляд, это достаточно узкий сегмент людей, который экспортирует природные ресурсы: нефть, газ, **(неразборчиво, 100:19)** и так далее.

Женский голос: Давайте России не касаться. Вы с Украины.

Реплики в зале: Почему?

Сергей Серебряков: Я сейчас говорю об Украине как о том, что вы можете спроецировать эту ситуацию на Российскую Федерацию.

Мужской голос: Сергей Александрович, у вас две минуты. Вы можете говорить обо всем, о чем хотите.

100:35

Сергей Серебряков: Да, спроецировать на Российскую Федерацию. Это та ситуация, которая произошла на территории Украины: с экономикой Украины и перерабатывающими отраслями Украины. Она говорит, что членство в ВТО семимильными шагами за пять лет экономику и промышленность убило.

Это факт, который признала, между прочим, премьер-министр страны, министр по экономическому развитию страны. Министерство промышленности официально признало! Конечно же, нет таких громких заявлений, что мы сейчас будем высказывать, но это уже официальная точка зрения правительства, чиновников и правительственных институтов.

Вдумайтесь в один вопрос. Предприятий сельхозмашиностроения на Украине было порядка 19 крупных. Осталось одно. Я уже не говорю про мелких. Одно это предприятие держится на одной ноге, которая занимается только экспортом продукции в Российскую Федерацию в основном.

101:36

Что мы предлагаем сегодня на Украине изменить с точки зрения правил ВТО.

Безусловно, первое, с чего надо начинать – это кредитно-финансовая система и независимость кредитно-финансовой системы от международных институтов, если это возможно в сегодняшней ситуации.

Какие для этого надо предпринимать шаги и цели. Надо, безусловно, делать.

Еще я бы хотел сказать следующее. Что-то произошло с обществом в этот кризисный период. По-моему, стало очевидно для всех, что все-таки экономика для общества, а не общество для экономики. Целеполагание, мировоззрение, миропонимание, культура мышления, культура поведения людей должны быть направлены на некое созидание.

Членство в ВТО и членство в других международных организациях без подготовки, без системного анализа (по примеру Украины) привели к катастрофическим последствиям для населения той страны, в которой это было сделано.

Спасибо. Хотелось бы, чтобы **(неразборчиво, 102:47)**.

(Аплодисменты).

102:53

Мужской голос: Есть ли желающие задать вопросы или идем дальше?

Мужской голос: Дальше!

Мужской голос: Идем дальше. Я бы хотел озвучить тот факт, что, если мне не изменяет [память], темпы экономического роста в странах СНГ ниже, чем у России, у трех стран. Это Киргизия, Молдавия и Украина. Как-то так получилось, что это именно те три страны, которые раньше всех вступили в ВТО. Как раз те страны, которые в топе... Лучше всех развивается экономика: на первом месте, по-моему, Белоруссия. Потом где-то там Казахстан находится. Как раз те страны и республики бывшего Союза, которые не являются членами ВТО.

Это тоже дискуссия, но однозначно говорит, что вступление в ВТО – это не мантра. Она не приводит к экономическому росту, а имеет, как мы видим, много негативных последствий.

Давайте сделаем маленькую разрядку. У нас есть эксперт из Франции. Он здесь присутствует, я так понимаю. Я бы хотел представить профессора Университета Париж-12 **Жана-Луи Трюэля**. Он сделает доклад «Россия и ВТО: в чем реальные вызовы».

104:08

Жан-Луи Трюэль, профессор Университета Париж-12 (Франция):

– Я немного говорю по-русски. **(Неразборчиво, 104:23)** по-английски. Я давал текст **(неразборчиво, 104:31)**.

(Обсуждение технических моментов).

Мужской голос: Учите английский, господа. *(Смех в зале).* *(Выступление на английском языке).* *(Обсуждение технических моментов).* *(Далее записано со слов переводчика).* Если говорить об основополагающих принципах ВТО, то надо сказать о принципе нейтральности. Если какая-то компания работает (скажем, американская компания) в России... Это может быть и американская компания, и российская компания. Совершенно не имеет значения, какой «национальности» данная компания.

Поэтому не является проблемным вопросом защита какой-то нарождающейся индустрии. Это не проблема для обсуждения.

Что касается вступления в ВТО и конкретных проблем, которые с этим связаны. Я не буду об этом сейчас говорить и слайд пропущу.

108:12

Многие аспекты сегодня уже обсудили. Вероятно, я еще вернусь к этому. Но об одном позитивном моменте, который связан с ВТО, я хочу сказать. Речь идет о защите интеллектуальных прав. Что касается 1990-х годов, то у России очень многие интеллектуальные изобретения (интеллектуальная собственность) были фактически украдены иностранными государствами. В частности США. Права были не зафиксированы. Их украли.

Что вы имеете сейчас. Ваш великий интеллектуальный потенциал защищен.

О чем я хочу сейчас сказать. О тех проблемах, которые, в общем-то, не связаны с ВТО. Если говорить о Европейском союзе – да, у нас проблема. В первую очередь, я скажу о поддержке промышленности. Какова цель? Цель ВТО в том, чтобы развивать весь Европейский союз, а не добиваться того, чтобы возвращать национальных чемпионов. Речь не идет о развитии национальной индустрии.

Однако именно такое развитие – это чисто европейское решение. Оно совершенно не связано со вступлением в ВТО и вообще с ВТО.

110:46

Что касается валютного регулирования и обменного курса. Его вообще не существует в Европейском союзе. Это решение Европейского союза. Тоже не связано с ВТО.

Что касается поддержки инноваций. Это то, чего бы очень хотелось. Однако бюджета нет. Опять-таки, сами в этом виноваты. Это было решение Европейского союза.

Что касается финансового регулирования. Возникает очень серьезная проблема, связанная с налоговыми убежищами. Их очень много. Они существуют и в Люксембурге, и на Кипре, и на различных островах пролива Ла-Манш, и так далее. Очень важно, в Великобритании существует очень сильное лобби, которое все это поддерживает. Но это не решение ВТО – это опять-таки решение Европейского союза и соответствующих стран.

112:23

Существуют очень строгие меры регулирования. Строгие меры регулирования – это то, что связано с Европейским союзом.

Сейчас вернемся к России. Что происходит в России.

Я проработал в России долго. Я должен сказать, что проблемы, которые существуют в России, отнюдь не связаны с ВТО.

Что касается обменного курса рубля. Курс явно завышен. Это не связано с ВТО. Серьезная проблема – это то, что курс рубля завышен. Это серьезная проблема для экономики страны, для промышленности, но это гораздо меньшая проблема, нежели те 3%, о которых мы говорили по тарифам, связанные с ВТО.

Что касается реального сектора. Он должен финансироваться. Туда должны поступать деньги, однако деньги уходят в налоговые убежища. В разные, так сказать, **(неразборчиво, 114:09)**. Деньги не поступают в промышленность, в реальный сектор.

114:29

Сейчас, я думаю, вам надо будет поблагодарить Европейский союз за то, что те 10%, которые вернутся с Кипра (из налогового убежища) пойдут, наконец, в реальный сектор.

(Спор в зале, обсуждение).

Переводчик: Вначале было сказано: «Я сейчас скажу провокационную вещь». Я это опустила. Вы меня извините!

Жан-Луи Трюэль: Они вернутся в Россию?

Реплики в зале: Нет. Нет! Никогда.

Жан-Луи Трюэль (*далее записано со слов переводчика*): Вы знаете, вы можете, конечно, сейчас выступить «против» моего заявления, однако я очень много проработал с российским бизнесом. Я говорил со многими бизнесменами. Все говорят, что инвестиционный климат в России плохой, негативный. Что очень много бюрократических препон. Именно это и составляет проблему.

Еще я хотел бы сказать об инновациях. У России действительно существует очень большой инновационный потенциал. Что-то в этом направлении, конечно, делается. Какие-то меры были предприняты, но явно недостаточные. Но это национальное решение, а не решение ВТО.

В заключение я бы хотел сказать, что самые серьезные проблемы и вызовы, которые стоят перед Россией – это те проблемы, которые не связаны с ВТО. Мы можем, конечно, говорить о том, позитивно вступление в ВТО или негативно. Однако я хотел сказать именно то, что проблемы России – это проблемы России, а не проблемы вступления в ВТО.

Спасибо за внимание.

(Аплодисменты).

117:22

Мужской голос: Мы прослушали все, что вы сказали. Один простой вопрос. Вы можете оценить положительный и отрицательный вклад вступления в ВТО для России. Я хочу этот вопрос услышать. Как вы оцениваете то, что мы вступили в ВТО – отрицательно или положительно. Или соотношение между отрицательными и положительными последствиями.

Женский голос: Спустя 6 месяцев!

Жан-Луи Трюэль: Вы знаете, я вам хочу сказать следующее. Мы, конечно, можем обсуждать вопрос вступления России в ВТО, но факт остается фактом. Россия уже вступила в ВТО.

Можно обсуждать и проводить обсуждения «Россия в ВТО», но я считаю, что, в первую очередь, должны проходить различные форумы, где будут

обсуждаться проблемы России, которые с ВТО не связаны. Факт остается фактом – Россия уже в ВТО.

119:15

Мужской голос: У меня такой вопрос. Вы упомянули, что в ЕС строго регулируется, но я и не понял, что же у вас регулируется. Что вы регулируете, можете сказать? Цены, предположим, что-то еще, доходы и так далее. Что вы регулируете в ЕС.

Жан-Луи Трюэль: *(Дефект звука)* какие меры устанавливает Европейский союз, то я имею в виду, в первую очередь, регулирование, направленное на то, чтобы какие-то страны или группы стран в ЕС не выбивались из общего контекста. Речь не идет о поддержке национальной промышленности каждой из европейских стран членов Европейского союза.

Здесь, может быть, неправильно употребить слово «конкуренция». Речь идет об общем равном развитии Европейского союза **(неразборчиво, говорят вместе, 120:46)**.

120:46

Мужской голос: Можно в этой связи уточняющий вопрос. Вы хотите сказать, что все страны ЕС поставлены в одинаковые условия? Тогда как же, простите, вы прокомментируете хорошо известное явление: размер сельскохозяйственных субсидий, разрешенный для Франции, Бельгии, Германии, превышает 300 евро на человека, а Литве, Латвии, Эстонии только недавно позволили перешагнуть за 120 – 130 евро. Это одна и та же юрисдикция Европейского союза. Какие же здесь равные условия?

Жан-Луи Трюэль: Вы знаете, я, к сожалению, не могу подробно отвечать на этот вопрос, потому что не очень хорошо знаком с сельскохозяйственной политикой Европейского союза. Вероятно, многие вещи – это то, что связано с наследием прошлого.

Я в большей степени специалист по промышленности. Я вам могу сказать: то, что касается промышленной политики – многие европейские страны пытаются обойти те ограничения, которые на них налагает Европейский союз.

122:50

Мужской голос: В том числе Франция, как мы знаем.

Жан-Луи Трюэль: Одни страны делают это более умно, нежели другие страны, но так или иначе все они стараются эти ограничения обойти. Извините, **(неразборчиво, 123:04)** не смог ответить по сельскому хозяйству.

Мужской голос: Спасибо. Нас время начинает поджимать. Я думаю, надо уже двигаться дальше. Тема действительно интереснейшая с учетом того, что мы сегодня... Наверное, многие из вас не первый раз услышали... **(Неразборчиво, 123:21)** называли же эти цифры, что в ряде европейских стран разрешенная поддержка доходит до 400 евро в расчете на гектар, по моему. Причем гектар не общей площади, а именно сельскохозяйственных угодий. У нас то ли 3, то ли 3,30 евро. Да, 120 – 130. **(Неразборчиво, 123:49)**. Это реальные условия.

123:50

Я не могу это назвать legacy of the pass, как сказал наш докладчик. Это, к сожалению, самая что ни на есть реальность нынешнего дня, когда вступаешь позже в ВТО – получаешь гораздо худшие условия для вступления. Эта организация, в принципе, никого ни в чем не выравнивает. Все, кто в ней оказались раньше, выторговали себе гораздо более выгодные условия. Все, кто туда попадает позже, попадают туда на гораздо менее выгодных условиях.

Трудно говорить, что это что-то выравнивает. Здесь никакого выравнивания нет даже на уровне, простите, арифметики. Не говоря уже про конкретные условия разных стран.

Я бы хотел, чтобы мы, чередуя практические и более ученые аспекты... Хотел бы просить нашего известного ученого и общественного деятеля Бориса Кагарлицкого познакомить нас со своей позицией по этому вопросу.

124:49

Борис Юльевич Кагарлицкий, социолог, кандидат политических наук:

– Уважаемые коллеги!

Я сначала расскажу маленькую историю, которая, может быть, вас немножко позабавит. Все уже подустали от двух часов работы.

Я в 1998-м году работал в Госдуме. Консультировал Комитет по труду и социальным отношениям. Столкнулся с очень интересным фактом. Это как раз июль – август 1998-го года. Всемирный банк предоставил России кредит. Первый транш пришел, по-моему, 500 миллионов долларов. Это был кредит на уничтожение угольной промышленности. Да-да-да, это был кредит на закрытие шахт. Нам давали деньги, чтобы мы затапливали, уничтожали свои шахты в Кузбассе.

Причем все это было очень тщательно экономически подсчитано. Понимаете, очень тщательно! Причем это было всерьез все обработано, рассчитано, что шахты убыточные, что оборудование устаревшее, производительность труда низкая. Они не конкурентоспособны и, соответственно, их нужно затопить.

125:50

Но тут как назло случилось две вещи подряд. Сначала кредит украли (*смех в зале*). Он не дошел до Кузбасса – исчез! Как раз с этим разбирались – исчез бесследно. Я считаю, те, кто его украли, были патриоты (*смех в зале*). Это были настоящие патриоты нашей страны.

Пока они крали кредит, случился дефолт. Курс рубля к доллару из 6 к 1 стал 12 к 1, как мы знаем. Сначала, **на том** этапе, падало: 6, 9, 12 и так далее. В данном случае принципиальный момент, принципиальный рубеж – это 12. Он был достигнут очень быстро.

Вы знаете, эти же самые шахты при тех же рабочих, при том же оборудовании вдруг стали страшно прибыльными, страшно эффективными. Просто безумно эффективными! И прекрасно стали работать. Ну, с точки зрения их владельцев, по крайней мере. Никто уже не говорил, что их надо затопить.

126:50

Это пример того, насколько вообще условны все эти, казалось бы, очевидные экономические факты или очевидные экономические расчеты. Вот у вас произошел крах валюты, и все правила поменялись, все соотношения поменялись. В этом смысле, когда вам начинают просто говорить много цифр, вы будьте поосторожнее, повнимательнее.

Кстати говоря, Правительство очень любит нас засыпать цифрами. Цифры вот такого примерно порядка. Но тут есть одно принципиальное отличие,

почему, скажем, если у нас кто-то опять украдет какой-нибудь кредит подобный, то это нас не спасет в следующий раз.

Тогда еще были остатки советской промышленности, которые можно было просто перезапустить, не вкладывая дополнительных денег, не проводя серьезной модернизации, не заботясь серьезно о том, чтобы подготовить кадры. Можно было просто перезапустить промышленность. Она дала нам тот самый рост, плодами которого, кстати говоря, мы до сих пор пользуемся.

127:50

Хочу обратить внимание еще на то, что пресловутый успех России (об этом говорили – у нас действительно вырос жизненный уровень, и это безусловный факт) связан с очень интересной комбинацией разных факторов.

С одной стороны – да, включены рыночные отношения. С другой стороны, продолжают еще работать остатки советского. Включая, кстати, советское образование, советские кадры и так далее.

Между прочим, замечу, что в ряду этих самых реформ, которые вполне соответствуют общей логике ВТО, мы видим коммерциализацию социальной сферы. Мы видим коммерциализацию образования, здравоохранения и так далее. Это ведет, в конечном счете, к разрушению человеческого потенциала российской экономики и российского общества.

Но замечу, что при этом промышленность, например, уже не может дальше ехать просто на советских резервах. Мы их израсходовали, мы подошли к концу. Все! Советский резерв выработан. Стране действительно нужна реиндустриализация не просто в том смысле, что нужно развивать промышленность, строить какие-то новые объекты. Нам нужны массивные инвестиции в создание по существу (неразборчиво, 128:52) новой промышленности.

128:54

Да, опираясь на то, что у нас уже есть. Прежде всего, опираясь даже не на имеющиеся предприятия, а на имеющуюся промышленную культуру в большей степени даже, чем на конкретные объекты. Но этому как раз препятствует логика ВТО.

Тут очень важный момент. Я помню, дискутировал с Дискиным перед вступлением России в ВТО. Это было на предыдущем этапе, когда

подходили вплотную: это примерно 2006 – 2007-й год. Предыдущий раунд дискуссий.

Дискин сказал, казалось бы, очень убедительную вещь. Он говорит: «Что вы так волнуетесь. Все равно Россия проводит политику в абсолютном соответствии с требованиями ВТО». То есть, мы в одностороннем порядке все равно все делаем именно так, как хочет ВТО. Собственно, в этом смысле вступление ничего радикально не изменит. Кстати говоря, мы сейчас это тоже слышали неоднократно.

129:49

Понимаете, в чем парадокс. Парадокс в том, что как раз нужно изменить. Парадокс в том, что ВТО является ловушкой в том смысле, что институционально закрепляет те практики, те нормы и требования, которые нас привели к проблемам, кризису и очень серьезным трудностям. Она институционально закрепляет то, что мешает нам работать, развивать промышленность, мешает нам развивать экономику.

Здесь встает проблема слома этих ограничений. Тут прозвучали слова, что надо защищаться, надо как-то обмануть, может быть. Может, не обмануть. Может, где-то тихонечко высказать. Найти хороших юристов, которые дадут правильные способы обойти что-то.

Дело в том, что если бы российские элиты были в состоянии действовать по-другому, работать по-другому, чем они работали предыдущие 10 лет, то они бы и работали по-другому. Думать, что сейчас российские элиты вдруг образумятся и начнут очень эффективно успешно высказывать (неразборчиво, 130:46) ограничения ВТО – это как минимум очень наивно.

130:50

Проблема абсолютно не в том, что в Правительстве есть либералы и есть хорошие государственники или социально озабоченные товарищи, которые думают о нуждах страны. Проблема в том, что Правительство – это вообще не собрание отдельных людей с теми или иными взглядами. Правительство – это определенный баланс институциональных интересов, который у нас сложился именно таким.

Если это не сломать, если это радикально не изменить, то никакие личные перестановки и комбинации отдельных министров туда-сюда радикально

ситуацию не изменят. Они могут чуть-чуть изменить ту или иную конкретную ситуацию в отдельной отрасли, отдельном сегменте, но очень ненадолго.

Мы думали, что сменим Фурсенко на другого министра образования – и будет нам счастье. Сменили. Спасибо – получили Ливанова. Теперь мы говорим: «Ой, какой был хороший Фурсенко!». Ностальгия началась.

Надежды на то, что просто перестановками министров такие вещи будут лечиться – это надежды иллюзорные. Такие вещи, увы, не лечатся иначе как системными политическими реформами, которые затрагивают баланс сил (политических, социальных, экономических) в стране.

Теперь постараюсь подойти к завершающей части, потому что времени мало у всех.

Что может быть сделано.

Сейчас говорят: «А вот мы уже вступили в ВТО, и что же теперь – не выходить же нам». А почему «не выходить же нам»? Говорят: «Ну, как – приняли решение». Вы знаете, необратимых решений не бывает. Необратимо только одно в мире – это смерть. Пока мы живы, у нас есть обратимые решения.

Если у нас страна еще жива, мы можем менять политику. Мы можем и имеем право, если мы еще обладаем суверенитетом как страна, выходить из международных организаций так же, как мы имеем право в них вступать. Даже если это противоречит уставам международных организаций, наш национальный суверенитет нам дает такое право независимо от того, что написано в том или ином международном уставе.

132:55

На самом деле, когда нам говорят: «Но это беспрецедентное решение будет»... Так вот кто-то и должен рано или поздно принять это очень нужное не только нам одним беспрецедентное решение. На самом-то деле, я подозреваю, что те, кто втащили Россию в ВТО, совершили для ВТО очень опасную вещь. Они очень большую медвежью услугу оказали сами себе, потому что стран, которые хотели бы выйти из ВТО, множество.

Просто никто не решается. Кто-то первый должен это сделать. Кто-то первый должен совершить решающий шаг. Как только это будет сделано одной

страной либо в форме выхода, либо в более мягкой форме приостановки членства, это сразу же вызовет лавинообразный процесс. Куча стран, которые на самом деле угнетены системой ВТО, в той или иной мере начнут следовать этому же пути.

Дальше руководство ВТО будет вынуждено либо идти на компромисс (менять правила игры свои). Хотя бы даже если будет просто шантаж об угрозе выхода. Одного только этого шантажа достаточно, чтобы заставить менять правила. Тем более здесь выход стал реальностью.

Либо организация распадется. Если она распадется, то, я вас уверяю, во всем мире будет большой праздник.

Спасибо.

(Аплодисменты).

134:08

Андрей Кобяков: Вы в этом смысле нашего уважаемого коллегу повторяете, **(неразборчиво, 134:20)**, который, помните, еще, приезжая в Москву в 2005-м году...

Борис Кагарлицкий: Вообще-то, своего учителя в каком-то смысле.

Андрей Кобяков: Да-да, конечно, конечно. Поэтому я и говорю: «Уважаемого нами коллегу», который говорил, ВТО **(неразборчиво, 134:31)**, еще в 2005-м году, что это «свет потухшей звезды». Ускоренное «разложение» этого «трупа» мы увидим собственными глазами в ближайшее время.

Теперь чередуемся: только что послушали ученого, давайте слушать практика.

Евгений Корчевой: Спасибо, Андрей Борисович. Я хотел бы представить Черкасова Андрея Владимировича, директора по взаимодействию с органами госвласти компании «Промышленные силовые машины». Вот такие приятные слова – и «промышленные», и «машины» в названии этой компании.

Реплика: Да. И «силовые». *(Смех в зале).*

Евгений Корчевой: Даже силовые есть, да. Единственное, я должен предупредить как промышленник промышленника. Мы предлагаем сократить время до пяти минут, чтобы мы закончили к шести. Поэтому прошу уложиться с нашей презентацией в пять минут.

135:40

Андрей Владимирович Черкасов, директор по взаимодействию с органами госвласти компании «Промышленные силовые машины»:

– Уважаемые дамы и господа!

Я постараюсь последовать рекомендациям и максимально сократить свое выступление, поскольку вижу, что все уже устали.

Во-первых, хочу поблагодарить организаторов за то, что они предоставили возможность рассказать о собственном взгляде предприятия реального сектора на такую глобальную проблему, как вступление России в ВТО.

Что хотелось бы сказать для начала. Несколько слов о нашем предприятии. В некотором смысле мы являемся, с одной стороны, характерным предприятием российской промышленности, с другой стороны, не совсем. Мы – вновь образовавшееся в 2005-м году предприятие, причем именно промышленное предприятие, которое занимается производством оборудования на основе дизельных моторов. Это, в основном, дизель-генераторы, насосное оборудование, многое другое.

Наше предприятие (*дефект звука, 136:52*) со средней ситуацией в экономике, достаточно успешное. Поэтому, возможно, будет интересно, с одной стороны, посмотреть и мне изложить, как нам видятся основные причины нашего успеха, так и те проблемы, которые, может быть, уже видим, и можем почувствовать как пределы нашего развития достаточно остро в ближайшее время.

Что такое с нашей точки зрения ВТО. Здесь вряд ли можно сказать что-то оригинальное.

(Демонстрация слайда).

Здесь приведен один из опросов, который характеризует взгляд на ВТО как на возможность усиления своих позиций, получения каких-то преимуществ. По результату этого опроса однозначно можно сделать вывод, что от вступления в ВТО, как правило, получают преимущество крупные и

сырьевые компании, которые каким-то образом достаточно хорошо защищать и лоббировать свои интересы.

138:02

Что может предоставить ВТО таким предприятиям, как наше. В основном, конечно, это стимул для развития. Других преимуществ мы пока не видим, поскольку и объем нашего производства, и возможности нашего влияния и пользования инструментами, которые предоставляет ВТО, явно не достигли тех масштабов, когда это может принести какой-то результат.

Что, с нашей точки зрения, остается делать российским предприятиям в таких условиях. Безусловно, мы как игроки локального рынка, обладаем некоторыми исторически сложившимися преимуществами, такими как опыт работы на нашем рынке, возможность лучше понимать наших партнеров и лучше с ними взаимодействовать, большая локализация продукции и **традиционно(?)** сложившиеся связи.

Но явно, что все эти преимущества очень скоро закончатся. Они уже практически заканчиваются. Что, с нашей точки зрения, можно сделать для того, чтобы несколько скрасить те негативные тенденции, которые это повлечет.

Ничего нового здесь изобрести нельзя. В любом случае, мы вынуждены будем следовать моделям развития бизнеса, которые сложились в более промышленно развитых странах. На примере нашей компании здесь достаточно просто некоторые черты такой модели озвучить.

Мы стараемся, и история нашей компании основана на том, что для нас, в первую очередь, важны отношения с нашими клиентами. Максимальный учет их потребностей и возможность учета этих потребностей, и выпуска продукции, которая нужна конкретным заказчикам – это является одним из наших основных конкурентных преимуществ.

Бизнес-модель нашего предприятия тоже не является какой-то новинкой. Основана на многокомпонентной инкубационной модели, что также на сегодняшний день в развитых экономиках считается одной из наиболее перспективных форм деятельности предприятий машиностроения.

Кроме всего прочего, естественно, мы понимаем, что для того чтобы более-менее соответствовать уровню рынка и оставаться растущей и успешной

компанией, необходимо проводить постоянную модернизацию нашего (неразборчиво, 140:39), чем мы также и занимаемся.

140:41

Коротко остановлюсь на секторах, где мы работаем. В основном, конечно, это предприятия нефтегазового сектора, частично сельского хозяйства, и частично транспортные предприятия. Программа нашей модернизации достаточно большая и подразумевает рост нашего производства в ближайшие несколько лет на сто и более процентов. Для этого мы строим новые и развиваем (неразборчиво, 141:12), что у нас появилось.

Что, с нашей точки зрения, является ограничением для нашего роста. Это те проблемы, которые здесь озвучивались неоднократно.

- Это общекризисные явления в промышленности, связанный с этим сниженный спрос, и, соответственно, растущая конкуренция.
- Трудность выхода на внешние рынки. Как предприятие, имеющее пока небольшие объемы экспорта, мы сталкиваемся с безусловно сложной ситуацией, когда приходится преодолевать многочисленные национальные барьеры, которые во многих экономиках препятствуют выходу туда предприятий других стран.
- Тяжелая финансовая налоговая ситуация в стране, о которой здесь уже неоднократно упоминалось.
- Локальная государственная поддержка отдельно только крупных производств.
- Отсутствие программ по налоговым льготам для предприятий производственного сектора.
- Незрелая система поддержки малого и среднего бизнеса. Как следствие, сворачивание небольших производств, переориентация всей промышленности на ввоз импортной техники.
- Также, с нашей точки зрения, довольно серьезная проблема – это недобросовестная конкуренция, которая сказывается, в основном, во ввозе некачественной продукции под марками более известных и конкурентоспособных брендов.

142:40

Что, с нашей точки зрения, необходимо сделать для того, чтобы в какой-то мере улучшить ситуацию в промышленном секторе.

- Государственные меры по повышению конкурентоспособности. На этом уже делался большой акцент, поэтому я не буду разворачивать здесь (*дефект звука, 142:58*).
- Улучшение инвестиционного климата – это развитие рыночной среды. Без нормальной рыночной среды, естественно, функционирующие предприятия не могут успешно развиваться.
- Налоговая поддержка, модернизация производств. Если этого не делать, то никаких стимулов для развития промышленности (а, как следствие, ее собственного постепенного «умирания»), никакой другой альтернативы у нас не будет.

Что необходимо более конкретно.

- Программа субсидирования технологических разработок передовой техники.
- Государственная программа поддержки экспорта российских предприятий.
- Необходима еще более конкретная мера поддержки отечественных предприятий – это программа госзакупок и закупок государственных (*неразборчиво, 143:51*) и государственных корпораций.

На этом хотел бы закончить. Единственный момент. У нас есть Решение. Мне хотелось бы, чтобы как раз последний пункт был включен в Решение. Меры поддержки отечественных производств в программах госзакупок и закупок госкомпаний, мне кажется, необходимо включить в перечень тех мер, которые отмечены в решении. Спасибо.

144:12

Андрей Кобяков: Это можно нам записать, но только, к сожалению, противоречит всем принятым на себя обязательствам.

Андрей Черкасов: Нет, не противоречит.

Андрей Кобяков: Есть там, на самом деле, оказание...

Андрей Черкасов: Пока это решение (*неразборчиво, 144:21*).

Андрей Кобяков: ...особых льготных режимов...

Андрей Черкасов: Нет, есть еще два или три года для того, чтобы это решение было принято окончательно.

Андрей Кобяков: Тем не менее. Мы подписали все базовые документы. Как раз, по-моему, вспоминается. Другое дело, что у нас есть переходный период, в рамках которого можно «уйти с трассы». А, во-вторых, это можно негласно осуществлять, собственно, как везде все это и делают. Все на словах, якобы обеспечивают всеобщий доступ к госзаказам, а в реальности дают его своим. Что тут нового-то. Это не менее «прозрачное» **исследование(?)**. Судиться тяжелее всего, поскольку могут быть критерии очень разные при подборе области госзаказа (**неразборчиво, 144:58**).

Спасибо. Может быть, вы сформулируете в письменной форме предложения для резолюции. Мы готовы принять к рассмотрению.

Андрей Черкасов: Да, хорошо.

Евгений Корчевой: Спасибо. Давайте двигаться дальше. Я представлю следующего выступающего. Он приехал к нам из Канады, хотя фамилия, имя звучат достаточно по-русски. Я хотел бы представить Юрия Евдокимова, который представляет у нас Университет Нью-Брунсуик. Там тоже презентация. Вы по-русски или по-английски будете?

Юрий Евдокимов: По-русски.

Евгений Корчевой: Отлично.

145:53

Юрий Евдокимов, профессор Университета Нью-Брунсуик (Канада):

– Здесь уже был коллега с Украины и рассказывал о том, к чему привело вступление в ВТО в Украине. Это случилось в 2005-м году. Я как раз был в это время в Киеве и преподавал в Киевской школе экономики. Я немножко знаком с тем, как все это готовилось.

Короче говоря, все это делалось (старалось, по крайней мере, делаться) в лучших традициях моделирования. Взяли модель равновесного, как “general premium models”, и (**неразборчиво, 146:31**).

Реплики: Модель общего равновесия.

Юрий Евдокимов: Спасибо. Я не совсем знаком с вашей терминологией. Поэтому (**неразборчиво, 146:38**). Взяли эту модель, и по этой модели один из моих учеников рассчитал. Получилось, что общий эффект от вступления в ВТО будет увеличение валового продукта на 1,9%. В принципе, эффект был не очень большой. Мало того. Он посчитал, какие отрасли выиграют, какие – проиграют. В основном, выиграл, по-моему, финансовый сектор. Проигрывали сельское хозяйство и металлургия, про которую сегодня уже говорили.

Но люди, знакомые с этой моделью, отлично знают, что там куча всяких предположений, нюансов, которые можно заложить правильно, а можно неправильно. Никто не делал анализ чувствительности. Эта цифра, 1,9%, была озвучена президентом Ющенко, из-за этого все и пошло.

Решение вступить в ВТО в этот момент было более политическим, чем экономическим. Почему политическим:

1. Вступить раньше России.
2. В это время экономику Украины признали рыночной, хотя она таковой не являлась.

Все это делалось с большой помпой. Никто ничего не готовил. Никто не продумывал даже, как это все будет. Украина подписала практически все, что ей сказали. Она открыла свой рынок во всех секторах. То, что мы сейчас видим – это и есть результат непродуманности. Естественно, никто не посчитал, что условия могут измениться. А они очень сильно изменились в 2008-м году.

Россия все-таки 18 лет пыталась какие-то свои вещи решить. Хотя я согласен с коллегой из Франции, что, в основном, проблемы России не совсем-то связаны с ВТО. В Украине они тоже не совсем связаны. Но Украина просто глупо вступила, потому что это было политически. Они торопились это сделать. И правительство Юлии Владимировны Тимошенко, и тогда Ющенко (победители «оранжевой революции») – показать всему миру, что «вот, смотрите, чего мы достигли». Конечно, в этой ошибке не сделаны 18 лет вхождения.

Как посчитать общий эффект. Один год, вы знаете, мне кажется, это еще слишком маленький срок, чтобы это все посчитать. Но, в принципе, конечно, надо трассировать это, то есть в динамике надо смотреть. Я пока еще не

советовал выходить. Почему. Потому что это будет изоляция и прямая конфронтация.

Но отслеживать надо, и свои права, конечно, отстаивать тоже надо. Чтобы не повторить вот этой участи Украины. Потому что в Украине экономическая ситуация сейчас... Отчасти благодаря, кстати, ВТО, потому что, скажем... Особенно финансовый сектор был очень сильно (неразборчиво, 149:54). Но отчасти она плоха как раз из-за этого.

Вы вошли на более лучших условиях. Просто один год, или сколько... Шесть месяцев получилось. Это еще не срок. Надо в динамике отследить все эти вещи по всем отраслям. Естественно, будут какие-то отрасли положительные, какие-то – отрицательные. Спасибо за внимание.

150:17

Евгений Корчевой: Можно я с правом ведущего вопрос задам? Тут очень хорошая вещь прозвучала, что не надо бояться выходить откуда-нибудь, в том числе из международных соглашений. Борис Юрьевич озвучивал. То, что у всех на уме, на самом деле (у многих, по крайней мере).

А вот Канада в прошлом году вышла из Киотского соглашения. Причем сделала она это, вышла из международного соглашения достаточно весомого, экологического, денежного (там много денег завязано).

Я просто хочу от вас услышать ответ короткий – «да» или «нет». Она вышла потому, что это мешало развитию ее промышленности – это так или нет?

Юрий Евдокимов: Нет. Дело в том, что Канада на себя взяла слишком повышенные обязательства, которые сразу были нереальны.

Евгений Корчевой: Эти обязательства мешали развитию ее индустрии или нет?

Юрий Евдокимов: Я бы не сказал, что они мешали сильно. Дело в том, что, понимаете, я еще не очень хорошо знаком с энергетическим сектором Канады и с (неразборчиво, 151:05).

Евгений Корчевой: Хорошо. Если бы Канада выполнила взятые на себя обязательства (неразборчиво, 151:09)?

Юрий Евдокимов: Она заранее их не могла.

Евгений Корчевой: Нет. Можно выполнить любые обязательства. Вот мы, Россия, тоже взяла заранее невыполнимые обязательства, но выполняем. Вот если бы Канада выполнила обязательства – что бы произошло с индустрией Канады?

Юрий Евдокимов: Я думаю, сильно бы это не повлияло. Дело в том, что, в принципе...

Реплики: Почему не могла?

Юрий Евдокимов: Почему не могла. Потому что получилась такая ситуация (**неразборчиво, 151:30**). Они, когда входили, посчитали, как обычно, с ошибкой, на определенный вариант. А потом пошли тренды, особенно в транспортной и энергетической индустрии, когда они увеличили промышленность. Цели стали недостижимы, и смысла уже оставаться нет. Я, кстати, против этого решения. Я как раз поддерживал это решение.

Андрей Кобяков: Спасибо. Кстати, специальных исследований я не проводил, мне не встречались пока подобные исследования. Хотел обратить внимание относительно малости срока. Что почему-то, по стечению ли обстоятельств... Это, конечно, многофакторная зависимость. Но у нас именно в течение последнего года (особенно вторая его половина) резко упали все темпы роста экспорта, и резко стали расти темпы импорта. Это могут быть разные факторы.

Понаблюдаем еще. Но это может быть прямым следствием (**неразборчиво, 152:29**). (*Реплики неразборчиво*). Вот и все. Поэтому... Нет, понимаете, если бы только экспорт упал, можно бы было сказать: это внешняя среда, меньше потребляет, кризис в Европе, прочее. Но – импорт стал расти. (*Реплики неразборчиво*). Поэтому (**неразборчиво, 152:48**). Мы сейчас комментарии... Это я просто по праву ведущего.

Реплика: Вопрос к вам.

Евгений Корчевой: А почему ко мне-то? Я еще пока не выступал. Хотите – пожалуйста.

153:01

Мужской голос: Можете ли вы привести пример хоть одной африканской страны, вступившей в ВТО. Или там другие (**неразборчиво, 153:05**)?

Мужской голос: Они практически все в ВТО.

Мужской голос: Уже не осталось, все в ВТО (**неразборчиво, 153:11**).

Евгений Корчевой: Нет, я вам скажу, кого там нет, насколько я знаю. Может быть, всех подробностей не помню. Саудовской Аравии еще вроде нет или Омана. Кого-то из арабских государств нет.

Мужской голос: Кого нельзя разрушить.

Евгений Корчевой: Африка – там кого, в принципе... О чем вы говорите? Если вы говорите про какую-нибудь Бурунди – она что в ВТО, что не в ВТО, разницы нет никакой. А крупные страны типа Египта, Южной Африки и так далее – все, конечно, в ВТО. Не входит Иран. Но там... Почему говорили, что мы вместе со «странами-изгоями» находимся в одной компании. Не входит Северная Корея.

Думаю, что поэтому еще был политический штрих такого рода – какие компании остаются. С другой стороны, неизвестно, одежда ли красит человека, компания человека или человек компанию. Неизвестно, кто кому здесь оказывал «медвежью услугу».

Думаю, что мы дадим еще слово Александру Чуеву. Он тоже у нас записан в наших «кондуитах». Занимает у нас такое промежуточное положение между реальным сектором и экспертным сообществом.

Евгений Корчевой: Я бы хотел пару слов сказать, что Александр Викторович был депутатом Государственной Думы достаточное время. А сейчас возглавляет экономический центр «Модернизация», и очень много интересных работ. Я советую, учитывая, что времени у него на выступление мало, зайти на сайт и посмотреть – там очень много интересных работ.

154:36

Александр Викторович Чуев, президент ЭАЦ «Модернизация»:

– Спасибо. Сайт – modern-rf.ru. Я хотел бы сказать по поводу невыполнимых обязательств сначала. К сожалению, Россия в своих переговорах тоже взяла на себя целый ряд открепленных обязательств. Если мы внимательно читаем документы по ВТО, то, в частности, либерализация внутреннего рынка газа, или приведение внутренних железнодорожных тарифов к среднеевропейским – это тоже практически невыполнимые обязательства. «РЖД» попытались в прошлом году что-то с тарифами сделать. В начале этого года вынуждены были вернуться к тарифу 10.01 по известным причинам – потому что работать было невозможно.

Поэтому я считаю, насчет невыполнимости – это здорово.

За что наградили наших переговорщиков, тоже понятно. Стоит посмотреть действительно не то, сколько мы выторговали, а то, что мы потеряли, какие новые интересные схемы возникают (в том числе на Дальнем Востоке) с нашими биоресурсами, с одеждой и так далее. С целым рядом товаров, которых шла речь.

Я бы хотел сказать следующее. Вот здесь мы говорили о суверенитете России. Я хочу сказать жесткую вещь. Мы, на самом деле, часть суверенитета уже потеряли. Давайте будем говорить честно и смотреть правде в глаза. Иначе бы мы так сейчас не волновались по поводу Кипра и других проблем. Когда большая часть государственных служащих и членов их семей, крупной бизнес-элиты держат свои средства за рубежом, покупают там активы, учат там своих детей – это не является признаком суверенитета страны.

Поймите правильно: отсутствие национально ориентированной элиты – сегодня огромная проблема. То, что мы здесь сегодня собрались и обсуждаем наиболее важные вопросы – на самом деле, мы присутствуем с вами при том, что такая элита национально ориентированная начинает формироваться. Ее голос начинает быть слышен. До этого, к сожалению, слышали мало или не слышали вообще.

156:35

Очень интересно посмотреть на ту политику, которая у нас проводится, в том числе в финансовой сфере. Я в связи с ВТО просто хочу это сказать. Оксана Дмитриева кое-что об этом сказала. Она нарисовала и показала те «пылесосы» и те круги, которые есть. Действительно, когда у нас почти 9 триллионов в 2013-м году средств выводится из экономики и складывается в Центральном банке, а при этом внешний долг превышает 600 миллиардов долларов – это нормально? Как можно назвать такую политику?

Собственные деньги здесь не работают. Помимо вот этих складированных денег, от 60-ти до 65-ти миллиардов долларов было выведено из страны в прошлом году, ожидается и в этом. Может быть, немножко меньше будет выведено. Но все равно деньги будут продолжать свое движение за рубеж. Вот проблема. Они не работают. К сожалению, политика Правительства такова, что деньги внутри страны сегодня реально не работают.

Поэтому, если мы хотим конкурировать в ситуации нашего членства в ВТО, если мы хотим защищать свою промышленность, строить новую промышленность, то нужно пересматривать, в том числе, и финансовую политику государства. Естественно, и денежно-кредитную политику тоже. Здесь уже неоднократно говорилось о недоступности, невозможности и вообще дороговизне кредитов. Но здесь не только проблема в этом. Своим-то свое равно дают, и дают под малый процент. Нет системы. Нет четкого понимания и планирования.

158:18

Мы слышали выступление на Пленарном заседании зам министра экономического развития. Вы услышали системный подход к тому, как будет развиваться государство в ближайшие годы, какими ответами мы постараемся защитить свою промышленность, свои товарные группы, и что мы сделаем для того, чтобы России в ВТО было лучше? Я не услышал. Я услышал много хороших слов, что у нас все замечательно, что есть промышленный рост, который, кстати, как здесь уже говорилось, снизился, и есть негативные показатели по безработице в последнее время (в этом году уже).

Промышленный рост ожидается по тем же прикидкам в лучшем случае Минэкономразвития где-то 3,4%. Выше вряд ли мы увидим. Где же позитив, о котором говорится? Позитива нет, как нет и системы. Для того чтобы действительно что-то делать и отвечать на вызовы ВТО, нужен системный подход. Прежде всего, нужна та самая новая разумная промышленная политика.

Если говорить вообще о том, что мы можем сделать сегодня, исходя из того, что имеем. Конечно, много упущено. С другой стороны, прошло всего полгода, и многие проблемы начнутся позже. У нас там есть определенный срок в несколько лет по целому ряду показателей.

Первое, что можно сделать (здесь уже об этом говорилось) – это использовать как инфраструктурный ответ наш транзитный потенциал. Это может быть действительно очень интересная тема, чуть-чуть перпендикулярная. Но как асимметричный ответ, это вполне реально. Помимо Восточносибирской дороги, Северного морского пути, есть планы создания новой дороги (как здесь говорилось уже), есть автотранзиты.

На самом деле, если «привести в чувство», с одной стороны, таможенню, с другой стороны, действительно создать целую систему поддержки и быстрого провоза грузов – мы могли бы этот потенциал замкнуть на себя, а не отдавать его другим странам, в том числе нашим союзникам по Таможенному союзу.

Я считаю, что здесь, конечно, от таможни тоже многое зависит. Увы, сегодня порадовать она нас не может. Процедуры на таможне у нас «непрозрачные». Хотя она дает у нас до 54% федерального бюджета, до 30% – консолидированного. Но импорт занимает там порядка 6% с небольшим. Пошлина от импорта сегодня то, что мы получаем от таможни.

При этом по отдельным отраслям нелегальный импорт (и импорт, и контрафакт) достигает там 70%, даже 80%. Что это означает. Означает, что таможенная служба, с одной стороны, что-то регулирует, с другой стороны, является «черной дырой». Вот здесь необходимо наводить порядок. Закрывать нелегальный импорт и давать возможность нормальным предприятиям работать (в том числе и предприятиям, импортирующим внутрь страны).

Нужно нормальное электронное декларирование, перейти на единую стандартную систему, которая принята во всем мире. К сожалению, несмотря на дорожную карту, на то, что у нас заявлений уже было много по этому поводу – ничего почти что не сделано. У нас там более 42-х различных форматов электронных документов.

Более того. Предварительное информирование, которое должно было помочь в работе таможни, также не работает. Уровень коррупции на таможне не просто зашкаливает, а он уже такой, что можно говорить о целом таможенном бизнесе, причем малолегальном бизнесе.

162:03

Первое, что можно сделать (это асимметричный ответ) – это действительно использование транзитного потенциала. Это должно стать национальным проектом.

Второе – безусловно, изменение налоговой политики. Мы должны действительно сегодня снизить налоги там, где это нужно. Поддержать инновационную промышленность. Посмотреть, разделить на группы по секторам, кого нужно поддерживать, кого не нужно. Не банкам сегодня нужно помогать, и не экспортерам нефтяным нашим, которые работают

через оффшоры. Здесь нужно, наоборот, говорить о деоффшоризации экономики. Помогать нужно реальному сектору экономики.

Может быть, здесь должно быть снижение НДС и налога на прибыль. В том числе, безусловно, отчисление тех платежей, которые мы платим на фонд заработной платы. Тоже нужно общий вес этих платежей снижать. Здесь же этим мы поможем малому бизнесу, потому что понятно, что сегодня от этих платежей, в первую очередь, страдает он.

Естественно, мы должны защищать свои права в ВТО. Для этого нужно воспитывать и образовывать своих юристов, экономистов, специалистов по работе с ВТО. К сожалению, таковых сегодня практически не имеется, очень мало, что называется, по пальцам пересчитать. Поэтому нужно вводить такие специальности. Нужно создавать специальную целевую программу подготовки таких специалистов.

Китай этим озадачился в свое время. К сожалению, Россия не озадачилась. Поэтому сейчас говорят о том, что необходимо привлекать иностранных специалистов. Да, наверное, и придется на первом этапе. Но я считаю, что если мы хотим все-таки, чтобы эти специалисты действительно отстаивали наши интересы и на много лет вперед, нужно готовить своих.

Наверное, я бы сказал еще здесь вот о чем. Может быть, тоже радикальную одну идею выскажу. Нужно переходить к единой региональной валюте – рубль. Нужно начинать рассматривать серьезно вопрос перехода на экспорт за рубли. Есть масса вещей, которые мы можем сделать, не нарушая обязательств в ВТО. Так вот, перейти на рублевый экспорт, как бы это ни казалось радикально, и сколько бы здесь ни было оппонентов – я считаю это очень интересной и хорошей идеей.

Есть еще также целый ряд других мер, которые мы можем предпринять, не выходя за рамки соглашений ВТО для того, чтобы изменить ситуацию. Но Единое экономическое пространство должно начать работать в полную силу. Спасибо. *(Аплодисменты)*.

164:32

Мужской голос: Один вопрос докладчику.

Александр Чуев: Да-да, пожалуйста.

Мужской голос: Скажите, пожалуйста. Вы не назовете те требования, которые предъявило ВТО, и которые бы приняли в части движения товаров через таможенную и оформление?

Александр Чуев: ВТО выставило требование – приведение в соответствие с европейскими общими правилами. Мы должны здесь тоже... Там были даны сроки. Мы, кстати, уже пропустили эти сроки. Мы по ним отстаем на сегодняшний день. Чтобы было электронное декларирование, «прозрачность». Общее таможенное оформление товаров там установлено по определенным нормативам. Оно не должно превышать определенного времени.

В нашем случае таможенное оформление совершенно другое. Если вы хотите решить свои проблемы, то это происходит иным способом.

Мужской голос: Я вам скажу, что нормативы приближены, но это способствует тому негативу «серого» импорта, о котором вы сказали.

Александр Чуев: Абсолютно не согласен с вами, потому что нормативы не приближены. Есть иллюзия приближения этих нормативов. Формально они приближены, а на деле – способствуют «серому» импорту. Я об этом и начал говорить, между прочим.

Мужской голос: Есть документальные данные. Посмотрите их.

Александр Чуев: Конечно, я их знаю.

165:47

Андрей Кобяков: Коллеги. У нас для подведения итогов осталось буквально несколько минут. Я знаю, что, Исаак Николаевич, вы хотели высказаться. Но я боюсь, что время нас уже действительно поджимает. Если только пару минут вам предоставить, максимум пять минут.

Мужской голос: (Неразборчиво, 166:09).

Андрей Кобяков: Прошу прощения, не представил. Исаак Николаевич Анисимов...

Женский голос: А остальным докладчикам (неразборчиво, 166:16 – 166:20)?

Андрей Кобяков: А, у нас есть еще докладчики, мы кого-то пропустили?

Женский голос: Конечно.

Андрей Кобяков: Извините.

Исаак Анисимов: Ладно, я сейчас покончу с этим за минуту (*неразборчиво, 166:23*). Я полностью согласен с Кагарлицким (*неразборчиво, 166:28*). К сожалению, это время... Есть такие факторы, которые (*неразборчиво, 166:34*) всех тех разработчиков, наших либералов, сторонников этого вступления в ВТО – они почувствовали себя очень плохо, очень неудобно. Они сделали большую глупость, с точки зрения либерализации России по западным стандартам. Но это особая проблема, о ней надо хотя бы пять-десять минут говорить. Поэтому я замолкаю.

Я хочу сказать только одно: всегда есть выход из положения. Напомню простую вещь. В начале 1930-х годов вся Европа отказалась платить военные долги Соединенным Штатам. И – ничего. Началось с Франции, потом – Англия, потом... (*Неразборчиво, 167:14*) долг надо платить всегда. Вот там не заплатили 50 миллиардов долларов, примерно триллион в наше время.

Андрей Кобяков: Правила ВТО существуют, чтобы их нарушать. В общем, нормально. (*Смеется*).

167:30

Евгений Корчевой: Я так понимаю, что у нас остался еще один доклад. Тогда с разрешения всех участников давайте дадим пять минут, человек готовился. Тем более, что это обаятельная представительница слабого пола...

Женский голос: И с (*неразборчиво, 167:40*) фамилией.

Евгений Корчевой: Да, и с фамилией «Медведева». (*Смеется*). Людмила Медведева, заместитель директора ЗАО «Ортех», город Волгоград. Единственное, более пяти минут, к сожалению, не сможем вам дать. Поэтому прошу уложиться в пять минут.

Добавлю, что у нас сегодня первый день работы Форума. Завтра у нас состоятся две пленарные сессии. А после обеда у нас будут круглые столы. Их будет более тридцати, и один из них...

Андрей Кобяков: Завтра круглый стол № 24, который имеет абсолютно то же название, как сегодняшняя наша Пленарная конференция: «Промышленная политика в условиях ВТО: трудности только начинаются».

Там будут другие сомодераторы. Там будет Михаил Леонидович Хазин и уже выступавшая сегодня Александра Ждановская. Приходите. Это будет

Библиотека МГУ, соседнее здание, первый этаж, конференц-зал. Это – в 14.30. С 18.30, думаю, нам можно продолжить обсуждение тех же вопросов. Секций очень много, и трудно рекламировать какую-то одну. Но, во всяком случае, тем, кто хотел бы высказаться на эту тему, может быть, подробно в каком-то ключе рекомендаций поговорить – завтра есть такая возможность.

Мужской голос: А проект Решения?

Андрей Кобяков: Проект Решения... Думаю, мы готовы будем его дорабатывать. Если у вас есть предложения по его изменению – мы готовы их заслушать, какие-то предложения.

Мужской голос: Есть предложения (**неразборчиво, 169:04**).

Евгений Корчевой: Было бы очень результативно – в письменном виде по электронной почте Андрею Борисовичу или мне.

Андрей Кобяков: Или сюда сейчас. Еще лучше – конечно, по электронной почте.

Евгений Корчевой: Это точно не пропадет. Давайте предоставим слово и будем завершать.

169:43

Людмила Николаевна Медведева, заместитель директора ЗАО «Ортех» (г. Волгоград):

– Поскольку мне дали пять минут, я кардинально меняю свое выступление. У меня хорошие слайды подготовлены, я думала напоследок показать. Но времени мало, поэтому я просто, может быть, очерчу тот круг проблем, который вижу.

Во-первых, я очень рада, что попала на этот Форум. У меня в голове сейчас вертится только одна фраза. Что в России нет больших и маленьких городов, в России нет больших и маленьких заводов. В России есть большие и маленькие проблемы. Но большая проблема, я так поняла, что мы все решили, что ВТО – это большая проблема. Для меня большая проблема – это повышение конкурентоспособности российской экономики.

Я работаю сейчас на третьем промышленном предприятии. До этого начинала свою трудовую деятельность на химическом предприятии. Работала директором по персоналу на Волжском трубном заводе, где около 20-ти тысяч человек. Сейчас работаю на машиностроительном предприятии.

Вот просто некоторые выводы, которые остаются. Более сложного производства, чем машиностроение, просто нет. Здесь нужны все специалисты, которые нужны и в химии, и в металлургии, и где угодно. Поэтому мне показалось, что если бы была все-таки как-то выделена в промышленной политике поддержка машиностроительного комплекса – думаю, мы бы получили дополнительный эффект от того, что он развивается.

171:08

А теперь просто о своей проблеме, которая тоже наводит на мысли. В России было 12 заводов оросительной техники. Сегодня остался единственный – это наш. О том, что мелиорация – важный фактор... Сегодня готовится последняя программа мелиорации. Я заглянула туда, а там написано: «Машина «Кубань» – 100 штук. Машина «Ладога» – 200 штук». Я не говорю, там, тысячи. Дело в том, что эти машины давно сняты с производства. Их просто нет. Сегодня 99,9% нашего рынка – это импортные машины. Это машины «Bauer», **валиевские(?)**, французские, итальянские – кто угодно.

ВТО по машиностроительной линии давно к нам пришло. Вот я несколько (*дефект звука, 171:53*). Где-то лет пять назад мы попытались взять кредит в банке, в котором учредители – немцы. Нам сказали: «Да, мы кредит даем. Но вы, пожалуйста, купите у нас вот эту технику, произведенную в Германии». – «Нам не нужна ваша техника. Нам нужен кредит». – «Нет, техника, а потом кредит». Лоббирование, продвижение продукции идет очень хорошо. Я считаю, что они просто молодцы, нам бы поучиться.

Второй пример. Не тянет наш завод. Ему 45, старый. Значит, надо строить. Мы подготовили инвестиционный проект, вложили все оставшиеся деньги (это 230 миллионов) для того, чтобы «Внешэкономбанк» все-таки прокредитовал нас. Это 3 миллиарда, проект строительства нового завода оросительной техники.

Все закончилось чем: «Либо ваш проект должен быть больше 5-ти миллиардов, и тогда можно получить госгарантии, либо ищите, чтобы получить поддержку вот того зарубежного производителя техники, технологию которого будете продвигать».

5-ти миллиардов у нас нет. Зарубежный производитель, Отто Ройс («Bauer»), сказал: «Извините. Давайте сами решайте. Вы для меня, если построите завод, будете большой «головной болью». Вы же, русские, такие – если что

построите, начнете на экспорт поставлять. В рамках своих границ вы не останетесь».

173:13

Сегодня, когда выступал советник Президента, он сказал, что в корне поменять денежно-кредитную политику, и что банки будут бегать за заводами – не знаю, наверное, более счастливого человека в зале, как там, не было. Я по банкам хожу и знаю. Если у меня есть пакет акций трубно-металлургической компании, и если там Пумпянскому дают 8%, а я, машиностроительный завод, прихожу, а мне говорят: «17%». Да еще было бы желательно, чтобы «спасибо» сказал в конверте. Такая политика.

Последнее. Мне было все-таки интересно, когда сегодня прозвучало, что есть «лазейки» у промышленных предприятий в Европе. Есть, я их нашла. Мы как-то с господином Отто Ройсом... Он – владелец 26-ти заводов. Приезжает в Волгоград. А я в бассейн хожу. Он говорит: «А я с вами пойду в бассейн». – «Да идите». – «Мне ж интересно». Вот мы сходили в бассейн, а я у него тоже поинтересовалась: «А поддерживает ли вас государство?». – «Еще как поддерживает. Напрямую – нет, зато очень много фондов, где учредитель – государство».

Вот конкретный пример. Он определил для себя количество людей, которые будут работать на промышленном предприятии. По итогам года, если он сохранил свои рабочие места – он получает от государства определенную поддержку. Кто сегодня из руководителей промышленных предприятий получит поддержку от государства? Что он создал эти рабочие места. Что он «кормит» эти людей и производит продукцию. Не увидим мы.

Подводя итог, может быть, такой эмоциональный. Просто от души хочется пожелать моей стране, в которой я живу, и будут жить мои потомки – чтобы она была действительно процветающей страной с развитой промышленной экономикой. Я – за это. Благодарю. (*Аплодисменты*).

174:59

Андрей Кобяков: Спасибо. Думаю, это такая самая главная «нота» для нашего мероприятия. Светлая надежда, которая должна нам освещать путь. Без этого, конечно, все наши «плачи Ярославны» только лишь укорачивают нашу жизнь. Думаю, действительно надо с оптимизмом смотреть в будущее. Но для этого, конечно, надо предпринимать совершенно конкретные шаги.

Многое из того, что сегодня здесь говорилось, помимо констатации самой вредной или... Во всяком случае, никто не сказал, что в чем-то хотя бы полезна природа членства России в ВТО. Мы должны, тем не менее, **стараться(?)** сейчас способами обходить все те препятствия, ограничения, которые накладывает это.

Несомненно, совершенно огромные в этом плане возможности еще у нас сохраняются. К сожалению, мы должны признать, что не от хорошей, гениальной промышленной политики мы вдруг взяли и от нее отказались. Мы не имели никакой хорошей промышленной политики все эти годы. Действительно, как сказал уважаемый Борис Кагарлицкий, разве что институционально закрепили то, что этим не пользовались раньше, теперь, типа, уже в чем-то и не сможем.

Еще раз говорю. Кто мешает, на самом деле, не исполнять даже эти обязательства. Существует куча хитрых способов обхода и так далее. Этим надо пользоваться. Странно просто другое. Когда эти способы находятся, а потом – раз! – и решением Правительства свою прямую противоположность, как с утилизационным сбором и подобные вещи.

Поэтому, думаю, еще очень сильной стороной может здесь быть... Кстати говоря, «сражения» против вступления в ВТО за последние два года привели к тому, что люди, которые до этого разрозненно делали это, стали знать друг друга. Это знание переросло в крепкую дружбу, сотрудничество. Что само по себе увеличивает лоббистские возможности данной группы.

Давайте правде смотреть в глаза. Жизнь не заканчивается, история не заканчивается. Мы должны эти свои позиции политические лоббистские укреплять. Я думаю, что сейчас определенный качественный перелом в этой ситуации происходит. На это и основная надежда. Я также надеюсь, как и все здесь присутствующие, что наша страна будет процветающей промышленной державой.

177:19

Мужской голос: Можно за одну минуту информацию дать?

Евгений Корчевой: Да, сейчас, информацию, пожалуйста. Я бы хотел тоже буквально полсекунды, полминуты сказать. Что мне кажется, очень важно, что мы сейчас подготовим рекомендации. Если будут предложения, что там нужно поменять, мы обязательно отправим в Правительство. Через год мы встретимся на Втором московском экономическом форуме и посмотрим, что

произошло, что сделало Правительство, как поменялась ситуация. Через год у нас появится уже моральное право не просто высказывать свое мнение, а требовать каких-то изменений и спрашивать, почему эти изменения не произошли.

Поэтому спасибо всем выступающим, докладчикам, которые готовились, делали презентации. Спасибо всем участникам. Отдельное спасибо тем, кто приехал – нашим зарубежным гостям.

Сейчас, пожалуйста, для информации.

178:10

Мужской голос: Я постараюсь очень кратко и чисто информационно. Может быть, это будет смешно и весело. Я представляю Общероссийское объединение «Союз малых городов Российской Федерации», который в условиях абсолютной безысходности предпринял такую инициативу, как разработка общественной государственной программы модернизации инновационного и технологического развития малых и средних городов Российской Федерации.

Мы эту программу сделали и сейчас начинаем реализацию. Я уже сказал, как это может выглядеть. Но от безысходности (другого пути для малых городов нет) – поэтому мы эту работу начинаем. Привлекаем к этому партнеров из различных сфер жизнедеятельности малых городов (промышленной, социальной сферы и так далее) и начинаем реализацию. 27-го этого месяца в Общественной палате мы проводим презентацию этой программы. Вот краткая информация для людей (*неразборчиво, 179:05*).

Андрей Кобяков: А у вас сайт есть, где можно было бы с ним подробно...

Мужской голос: Да, конечно.

Андрей Кобяков: Назовите название.

Мужской голос: «Союз малых городов Российской Федерации». В интернете вся информация есть.

Андрей Кобяков: А, все ясно.

(Заседание окончено, участники расходятся).

180:36

Конец записи